

18+ ШАЦИЛО В.Т.

$$E=mc^2$$
$$x^2+y^2=z^2$$
$$e^{i\pi}+1=0$$
$$a^m+b^n=c^2$$

Б
И
О
М
Е
Т
Р
И
Ч

КОД

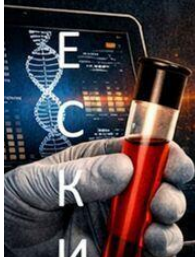
записки
следователя

СМЕРТЕЛЬНЫЙ
ВЫЗОВ

Г
Е
М
О
Г
Л
О
Б
И
Н

BLOOD TYPE: AB-
HEMO: 5.3
O₂ SAT: 98%
DNA: AGCT
GLUCOSUM: 6

$$a^1 \cdot h^2 + \int^2 = n_2 + n$$
$$n^2$$
$$+ k^2$$

Владислав Шацilo

Записки следователя.

Смертельный вызов

<https://litres.ru/74269814>

ISBN 9785007047050

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

В книге команда профессионалов вступает в схватку с международным синдикатом, торгующим человеческими биоматериалами. Преступники используют двухуровневую систему, где латынь и буквенно-цифровой код скрывают личности жертв, а уникальный медицинский биометрический код зашифровывает медико-химические показатели каждого образца.

Содержание

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВЫЗОВ	6
ПРОЛОГ	7
Часть I. 10 лет спустя	10
Начало расследования	11
Глава 1. Жалоба матери. Возобновление дела	11
Глава 2. Прибытие	35
Глава 3. Гостиница «Берёзка»	43
Глава 4. Сломанное звено. Допрос Виктора Савельева	57
Глава 5. Допрос жены Савельева. Обыск	62
Глава 6. Тени старого дома. Первый свидетель	66
Глава 7. Саботаж десятилетней выдержки	77
Глава 8. Деньги — и их слуги. Анатомия предательства	81
I. Следователь Иванова: Цена жизни	82
Глава 9. Анатомия предательства. Дело престижа	85
Глава 10. Звонок Климова Людмиле Сергеевне	91
Глава 11. Власть и Закон: Двойные стандарты	93
ЧАСТЬ II — Клиника на пике славы	96
Глава 12. Фасад благополучия	96
Глава 13. Ритм жизни «Благодетеля». Два	105

мира — один механизм	
Глава 14. Тень системы: Конвейер «Феникс»	117
Фасад и Тень	118
Глава 15. Память крови в доме Савельевых	124
ЧАСТЬ III — Уничтожение следов. Охота на свидетелей	127
Глава 16. Зачистка	127
Глава 17. Газовая ловушка. Покушение на второго свидетеля Елену Викторовну	144
Глава 18. Закрытый доклад начальника охраны	152
Часть IV. Расследование продолжается	173
Глава 19. Операция «Крот» (Штаб Стрельникова)	173
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Записки следователя. Смертельный вызов

**Владислав
Трофимович Шацilo**

© Владислав Трофимович Шацilo, 2026

ISBN 978-5-0070-4705-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВЫЗОВ

ПРОЛОГ

В квартире №47 на первом этаже прозвенел звонок — не резко, не настойчиво. Через несколько секунд звонок повторился длительной трелью.

В квартире было тепло и пахло покоем. Маленькая кухня превратилась в оазис умиротворения: на плите тихо ворчала турка, наполняя воздух терпким ароматом кофе. Анжела, кутаясь в мягкое домашнее платье цвета пыльной розы — чуть свободное на животе, — задумчиво смотрела в окно. Её образ завершали пушистые тапочки: огромные розовые бубончики забавно подрагивали, когда она переминалась с ноги на ногу.

Эти тапочки были её маленьким протестом против строгости внешнего мира, крошечным островком беззаботности.

Те самые — пушистые, с бубончиками, смешные, почти детские. Подарок мамы. Она всегда смеялась: «Ты в них как маленькая. Зато ноги тёплые».

Анжела улыбнулась, вспомнив это.

Она любила такие утра — редкие, спокойные, когда можно не слушать чужие голоса и не улыбаться постояльцам. Она стояла у окна, держа в руках кружку с чаем — крепким и сладким, как любил её отец.

Берёзовск просыпался медленно — как всегда в конце декабря, когда город ещё не успел прийти в себя после предновогодней суеты, но уже устал от неё. Утро 28 декабря было густым и серым, словно застывший кисель. Город ещё тонул в предрассветных сумерках, а редкие фонари отбрасывали на свежевыпавший снег мертвенно-бледные пятна.

Серое небо висело низко, почти касаясь крыш пятиэтажек. Редкие хлопья снега падали лениво, будто передумали долетать до земли. Мороз крепчал, вырисовывая на стёклах причудливые ледяные джунгли, сквозь которые едва пробивался свет редких горящих окон.

Сегодня она просто хотела поехать к родителям. Завтра сказать им всё. Показать, что у неё есть план, надежда, будущее.

На столе лежали мандарины, аккуратно выложенные в миску. Рядом — хлеб, масло, нож. Она только начала завтрак: отрезала ломтик, намазала, откусила.

Чай ещё не остыл. Она поставила кружку, пошла к шкафу — выбрать, что надеть в магазин.

И в этот момент — **снова звонок в дверь.**

Не резкий, но настойчивый. Семь часов утра. В это время Берёзовск обычно замирал в последнем предутреннем сне.

Но в тишине квартиры звонок прозвучал слишком громко.

Анжела остановилась. Слегка нахмурилась. Она никого не ждала. Сердце пропустило удар. В голове эхом отозвались наставления отца, которые он повторял ей с детства:

«Мир не всегда добр, Анжела. Сначала смотри, потом думай, и только потом — доверяй».

Эти слова, ставшие её внутренним щитом, мгновенно заставили её собраться.

Стараясь ступать бесшумно, чтобы бубончики на тапочках не выдали её присутствия, она подошла к двери. Тихо, как учил отец.

Анжела заглянула в панорамный глазок.

Она стояла в раздумье: открывать — не открывать?

Звонок снова пронзительно зазвенел.

Анжела ещё раз заглянула в глазок, на секунду задумалась — и нерешительно открыла дверь.

А потом она закрылась. Для Анжелы — навсегда.

Тайна её бесследного исчезновения в то утро осталась за закрытыми дверями.

Прошло десять лет.

Часть I. 10 лет спустя

Начало расследования

Глава 1. Жалоба матери. Возобновление дела

Полдень в Главном следственном управлении всегда напоминал растревоженный улей. Холл был забит людьми: кто-то нервно перебирал папки с заявлениями, кто-то застыл в тяжёлом ожидании, надеясь на чудо. Но среди этой суеты взгляд невольно цеплялся за женщину, прислонившуюся к стене у самого входа. Хрупкая, в тёмном пальто, с измятой сумочкой, которую она сжимала так, будто та могла удержать её от падения. Её плечи мелко вздрагивали от беззвучных рыданий, а пальцы до белизны суставов стискивали потёртую сумку. Дежурный офицер что-то объяснял ей — сухо, по инструкции, — но она лишь безнадёжно мотала головой, будто слышала не слова, а их бессилие.

В этот момент тяжёлые двери распахнулись — из подъехавшей машины вышли полковник Зацепин и полковник Климов. Зацепин — высокий, с резкими чертами лица. Глаза внимательные, холодные, но не жестокие. Он умел видеть людей насквозь, и сейчас замер на полпути, уловив обрывок фразы:

— Мне уже просто некуда идти... Нет больше сил...

Он коротко кивнул Климову и направился к женщине. Обычно твёрдый голос полковника прозвучал сейчас мягко:

— Простите. Что случилось?

Женщина подняла заплаканные глаза. В них — отчаяние и крохотный проблеск надежды, что хоть кто-то наконец услышит.

— Я не знаю, к кому обратиться. Десять лет... Десять лет я хожу по инстанциям...

— Давайте пройдем в кабинет, — предложил Зацепин. — Там поговорим спокойно.

Он жестом пригласил её пройти. Климов, уже собранный, достал блокнот и последовал за ними.

Беседа в кабинете Зацепина.

Комната была строгой: на столе фотографии, схемы, распечатки звонков; два кресла; шкаф с делами; окно на серый декабрьский двор.

Зацепин усадил женщину, сам сел напротив. Климов расположился сбоку, готовый фиксировать каждое слово.

— Расскажите всё по порядку, — попросил Зацепин. — Кто вы и что привело вас к нам?

Женщина глубоко вдохнула, будто ныряла в ледяную воду.

— Меня зовут Елена Викторовна Кравченко, — выдохнула она, сжимая пальцами край стола. — Моя дочь... Анжела. Она пропала десять лет назад.

Климов поднял глаза, приготовился писать.

— Когда именно? — уточнил он.

— Двадцать восьмого декабря утром. Она жила в городе Берёзовске, а мы — в деревне Дивное, за шестьдесят километров. Утром двадцать восьмого она позвонила мне и сказала, что сейчас пойдёт в магазин за подарками, а завтра, двадцать девятого декабря, придет... И... «есть разговор».

Елена Викторовна замолчала, сглотнула, будто слова царапали горло.

— Что за разговор? — мягко спросил Зацепин.

— Как мы потом узнали... — женщина закрыла глаза, — она была беременна. На седьмом месяце. Хотела сказать нам лично.

Климов тихо выдохнул, сделал пометку.

— И что было утром? — спросил он.

— Двадцать девятого мы с мужем звонили ей несколько раз, но она не отвечала. Так и не дождавшись звонка, поехали в город. Дверь квартиры была заперта. Мы открыли... и сердце упало. Всё чисто. На столе — недопитый чай, завтрак недоеден. Цветы политы. Мусор вынесен. Тёплые вещи, обувь, документы — всё на месте. А её нет. И нигде не было куртки и её тапочек.

Она подняла глаза на Зацепина:

— Мы поняли: как была в тапочках, когда открывала дверь, так и вышла к кому-то. Почему-то — в одних тапочках и лёгкой курточке. В мороз. И не вернулась.

Полковник нахмурился — едва заметно, но Климов уловил это движение.

— Вы проверяли её работу? — спросил Зацепин.

— Да. Она работала администратором в гостинице в нашем селе. Домой ездила в город, в свою квартиру за шестьдесят километров. Она ответственная. А тут... Она даже не вышла на смену. Коллеги ничего не знали. Что-то случилось.

Елена Викторовна сжала руки.

— Мы пошли в полицию города. Нам сказали: «Ждите три дня. Может загуляла». Поехали в милицию в Дивное. По дороге на заправке встретили охранника гостиницы, Виктора. Муж спросил: «Почему ты здесь? Ты же на смене должен быть». И — «Ты знаешь, что Анжела пропала?» Обратили внимание, что у него... — она провела пальцем по щеке, — глубокая царапина. От виска до губы.

Климов поднял голову. — И что он сказал?

— Удивился. Или сделал вид. «Да?» — только и сказал. Заправился и уехал. Мы тогда ещё не знали... — голос сорвался, — что у дочери был роман с ним. Что её тайная жизнь связана именно с ним.

В кабинете повисла тишина.

— Дальше? — мягко подтолкнул Зацепин.

— Тогда мы сами начали поиск, — закончила мать. — Распечатали объявления, расклеивали везде — и в сёлах, и в Берёзовске. Искали везде. Пошли к её подруге, Тане. Я плакала, просила: «Скажи, может, ты что знаешь? Она всегда

предупреждала, если куда-то едет...»

Подруга Таня только потом, в слезах, призналась, что Анжела беременна и просила молчать до тридцать первого декабря. В тот день они должны были приехать вместе, и он хотел признаться, что уходит от жены.

Климов тихо чертыхнулся под нос.

— Мы были потрясены, — прошептала Елена Викторовна. — Наша дочь... такая искренняя... жила двойной жизнью.

Она вытерла глаза.

— Потом мы пошли к заместителю директора гостиницы, Светлане. Она знала, что Виктор женат. Что у него жена беременная. И что... — женщина замялась, — что его тесть... очень влиятельный человек.

Зацепин и Климов обменялись быстрым взглядом.

Зацепин чуть подался вперёд:

— Вы сказали, что она работала в гостинице. Что-то необычное происходило там в последние дни? Может, она упоминала кого-то?

Елена Викторовна покачала головой:

— Нет... Она ничего такого не говорила. Только... — она задумалась, — двадцать седьмого она была очень уставшая. Сказала, что смена тяжёлая. Что много приезжих. Что какие-то важные люди останавливались. Но она не уточняла. Она вообще не любила сплетни.

Климов записал: «двадцать седьмое декабря — важные

гости. Проверить списки».

— Она выглядела встревоженной? — уточнил он.

— Нет, — мать покачала головой. — Наоборот. Уставшая, но спокойная. А двадцать восьмого утром — такая радостная... Звонила мне, смеялась. Говорила: «Мама, завтра приеду. Всё хорошо». Она больше ничего не сказала.

Зацепин тихо выдохнул. Это был важный штрих: никакой тревоги, никакого предчувствия.

— Значит, — сказал он, — если что-то и произошло, то между её звонком вам и моментом, когда она открыла дверь.

Мать кивнула. — Да. Она была дома. Одна.

Климов поднял глаза: — Вы уверены, что она открыла дверь сама?

— Да. — Елена Викторовна сжала пальцы. — Она никогда бы незнакомым не открыла дверь. Как я уже говорила, в квартире не было только лёгкой курточки и её тапочек. Она всегда ходила дома в них. Значит... она вышла в них. И больше не вернулась.

— Все годы я хочу узнать правду. Почему это произошло? Верю, что она жива, хотя прошло уже десять лет, и от неё до сих пор нет ни одной весточки. Не могу представить, что её нет. А если её уже нет... тогда хоть могилку её найти. Похоронить по-человечески.

Тишина стала плотной.

Зацепин медленно поднялся, прошёлся по кабинету, остановился у окна.

Елена Викторовна замолчала, вытирая глаза платком. В кабинете повисла густая тишина — не неловкая, а тяжёлая, наполненная болью и тайной.

Зацепин медленно откинулся в кресле, посмотрел на лежащие перед ним листы — заявления, ответы, ксерокопии. Бумаги, по которым десять лет никто по-настоящему не работал.

— Елена Викторовна, — сказал он ровно, без пафоса, — вы правильно сделали, что пришли сюда. Он встретился с ней взглядом. — Я вам обещаю: мы это дело поднимем. Официально. И сделаем всё, что в наших силах.

Она смотрела на него так, будто боялась поверить.

— Вы... правда... — голос сорвался. — Они столько лет только говорили... «мы разберёмся», «мы проверим»...

— Я не буду обещать лишнего, — спокойно ответил Зацепин. — Я не скажу, что завтра мы найдём вашу дочь. Никто так не делает. Но я могу обещать другое: дело будет возбуждено, материалы подняты, и мы начнём работу. Настоящую.

Он поднялся.

— Сейчас вас проведут к дежурному. Он оформит заявление заново, с сегодняшней датой. Всё, что у вас есть, — он кивнул на папку, — мы заберём. Это важно. Если что-то вспомните — имена, детали, мелочи — звоните в любое время. Вот номер, — он написал на листке и протянул ей. — Это мой кабинет. Не приёмная.

Елена Викторовна встала, держась за спинку стула, словно

за поручень.

— Спасибо... — едва слышно сказала она.

Климов поднялся следом. Зацепин сам открыл дверь, пропуская её вперёд, как нечто само собой разумеющееся, и проводил до коридора.

— С вами сейчас поработает наш сотрудник, — сказал он уже мягче. — Чай, вода, успокоительное — если нужно, попросите. Он на секунду положил ладонь ей на плечо — не по-дружески, а по-человечески. — Вы сделали всё, что могли. Теперь очередь за нами.

Она кивнула, прижимая к груди сумку, и пошла за дежурным, который появился в конце коридора.

Когда её шаги затихли, Зацепин вернулся в кабинет, прикрыл дверь и только тогда позволил себе короткий выдох.

— Ну что, — тихо произнёс он, глядя на стопку бумаг, — поехали.

Совещание у Зацепина. Разбор исчезновения.

Зацепин нажал кнопку селектора:

— Пригласите ко мне Серебров и психолога Людмилу Сергеевну.

Через пару минут в дверях появился невысокий, жилистый мужчина с усталым лицом и внимательными глазами.

— Вызывали, товарищ полковник?

— Заходи Серебров, — кивнул Зацепин. — Садись.

Серебров раскрыл блокнот. Климов стоял у окна, сосредоточенный. Рядом — психолог Людмила Сергеевна: спо-

койная, собранная, с внимательным взглядом человека, который привык видеть то, что другие пропускают.

Зацепин дождался, пока все займут свои места, открыл папку сел и начал:

— Мать рассказала трагическую историю бесследного исчезновения её дочери Анжелы, о принятых мерах по поиску, о её мытарствах по инстанциям и кратко описала события десятилетней давности. Беременная, седьмой месяц. Дело формально есть, но по факту — ноль. Родители ходили по кругу все эти годы. Никто так и не занялся поиском настоящего.

Он подвинул к ним папку, развернул так, чтобы была видна первая страница.

— Теперь давайте составим все возможные варианты внезапного исчезновения Анжелы. Серебров, фиксируйте.

1. Ключевые факты.

Климов: — Первое — её планы. Она собиралась к родителям, купить подарки, сообщить что-то важное. Это исключает добровольный уход.

Людмила Сергеевна (спокойно): — Радостный тон в разговоре с матерью — важный маркер. Человек, который планирует исчезнуть, так не звучит. Она была в состоянии ожидания, предвкушения, а не бегства.

Зацепин кивнул.

Серебров: — Второе — утренняя картина в квартире. Недопитый чай, недоеденный завтрак. Мусор вынесен. До-

кументы, сумка — на месте. Вышла в тапочках.

Людмила Сергеевна: — Это говорит о резком, внезапном прерывании рутины. Не паника, не ссора, не сборы. Она вышла на минуту — и не вернулась.

2. Беременность и отношения.

Климов: — Встречалась с охранником гостиницы. Известно: он знал о беременности. Неизвестно: были ли конфликты, мог ли быть отцом.

Людмила Сергеевна: — Женщина на седьмом месяце беременности эмоционально уязвима, но не иррациональна. Если бы она боялась отца ребёнка — это проявилось бы в поведении: тревожность, избегание, жалобы. Пока таких данных нет. Но скрытый конфликт исключать нельзя.

3. Варианты причин выхода из квартиры.

Зацепин поднял руку:

— Хорошо. Теперь — версии. Начнём с криминальных.

1. Криминальный сценарий.

1.1. Похищение.

Климов: — Самое вероятное — насильственное изъятие. Застали врасплох. Телефон выключен. Вещи на месте.

Людмила Сергеевна: — И главное — тапочки. Беременная женщина не выйдет в тапочках зимой без очень сильного внешнего стимула. Это либо страх, либо доверие.

Зацепин: — Доверие?

Людмила Сергеевна: — Да. Она могла выйти к человеку, которого знала и не боялась. Иначе надела бы обувь.

Климов кивнул — это совпадало с его ощущением.

1.2. Похищение с целью аборта.

Нежелательная беременность. Любовник, его жена, родители — кто угодно. Шантаж, давление. Беременность на седьмом месяце — аборт уже не возможен, Могли увезти с целью принудительного аборта.

Людмила Сергеевна: — На седьмом месяце аборт не возможен даже в условиях клиники. Если отец ребёнка или его окружение не хотели рождения — могли организовать похищение. Беременная уязвима: её легко убедить, запугать или обмануть.

1.3. Вовлечение в замкнутую среду.

Людмила Сергеевна: — Беременных часто используют в религиозных или криминальных группах. Им обещают помощь, защиту, жильё. Она могла выйти к человеку, который предложил «помощь беременной».

1.4. Она могла стать свидетелем преступления. Её устранили.

1.5. Кому-то мог понадобится её ребёнок.

В кабинете повисла тишина.

2. Психологический сценарий.

Людмила Сергеевна: — Психологический кризис возможен, но маловероятен. Её утреннее поведение — структурированное. Она готовила завтрак, планировала день. Это не похоже на человека в состоянии острого срыва.

3. Способы вызова из квартиры.

Климов: — Срочный звонок. Ложный предлог: «Ваш близкий в больнице», «Срочно выйдите».

Людмила Сергеевна: — Беременная женщина особенно чувствительна к тревожным новостям. Она могла выбежать мгновенно, не думая об обуви.

Серебров: — Или звонок в дверь. Сосед, курьер, знакомый.

Людмила Сергеевна: — Если это был знакомый мужчина, она могла выйти поговорить, не впуская его в квартиру. Это типичное поведение.

— Или тот, кто её давно отслеживал, — тихо сказал Зацепин. — Ждал момента.

Климов: — Да. Могли подкараулить у подъезда. Затащить в машину. Вывести через чёрный ход. Использовать наркотики, гипноз. Любой способ, который не оставляет следов.

4. Несчастный случай.

Серебров: — ДТП, амнезия... — Теоретически — падение в люк, подвал, на стройку.

Климов: — ДТП, амнезия — нужно проверять.

Людмила Сергеевна: — Если бы она упала в люк или подвал — тело нашли бы. Версия слабая.

5. Внезапное ухудшение здоровья.

Людмила Сергеевна: — Приступ, потеря сознания — возможно. Но тогда её бы заметили прохожие или камеры. И опять же — тапочки. Она не вышла бы «проветриться» в

таком виде.

Зацепин: — Версия слабая. Но оставим.

ИТОГ СОВЕЩАНИЯ.

Зацепин встал.

— Итак. Наиболее вероятны насильственные сценарии. Ангела вышла либо к человеку, которому доверяла, либо под давлением.

Он посмотрел на Людмилу Сергеевну: — Ваше резюме?

Людмила Сергеевна: — Ангела не собиралась исчезать. Она была в стабильном эмоциональном состоянии. Её вывели из квартиры внезапно, без подготовки и, скорее всего, не силой, а обманом или доверием. Дальше — насильственное удержание или устранение.

Зацепин закрыл папку.

— Теперь о безопасности. Мы подняли дело, которое десять лет никто не трогал. И те, кто его прятал, могут начать реагировать.

Он повернулся к Климову: — Семья Анжелы. Что думаешь?

Климов кивнул — он думал об этом ещё по дороге.

Климов (спокойно, уверенно): — Семья Анжелы. Мать, её младшая дочь Ольга, её муж, двое детей. Отец Анжелы — хоть и живёт отдельно, но тоже в зоне риска. Семья — под негласной защитой. Без шума, без демонстрации. Наружка, контроль окружения, мониторинг звонков. Но... семья не представляет угрозы преступникам.

Людмила Сергеевна (тихо): — Мать — эмоционально истощена. Она не опасна для преступников, но... такие люди иногда становятся удобной мишенью. Не потому что знают что-то, а потому что их боль можно использовать.

Зацепин нахмурился: — То есть угрозы ей — возможны?
— Не прямые, — ответила психолог. — Но косвенные — да. Запугивание, давление, попытка заставить замолчать.

Климов вмешался: — Но они не будут её «убирать». Это слишком громко. И бессмысленно — она ничего не знает. Её жалоба — эмоция, не информация.

Серебров: — А вот Ольга — другое дело. Она моложе, активнее. Может начать копать, может пойти в СМИ, может поднять шум.

Зацепин медленно кивнул:

— Значит, Ольга — потенциальная цель давления.

Людмила Сергеевна уточнила: — И её дети, не как объект вреда — а как инструмент страха. Угроза семье — самый быстрый способ заставить женщину замолчать.

Людмила Сергеевна (твёрдо): — Да. Мать — эмоциональный центр, но не источник информации. Ольга — вообще не была в контексте исчезновения. Отец — давно вне семьи. Они не знают ничего, что могло бы навредить преступникам.

Серебров (фиксируя): — То есть прямых угроз семье не должно быть?

Климов: — Не должно быть. Любое давление на семью

сейчас — это саморазоблачение. Они не настолько глупы.

Зацепин: — Тогда основной акцент — на свидетелях.

Серебров: — То есть преступники будут давить не на родственников, а на тех, кто может всплыть?

Климов: — Именно. Свидетели — их главная опасность. Следствие — вторая. Семья — нет.

Людмила Сергеевна: — И это логично. Преступники действуют рационально. Они убирают тех, кто видел, слышал, знал. А семья — это эмоции, но не информация.

Зацепин подвёл итог:

— Хорошо. Семья — под негласной защитой. Но без драматизации. Мы не должны создавать лишнего шума. Основной акцент — на свидетелях и тех, кто может всплыть. И будьте готовы: давить будут и на нас, а не на родственников.

Климов коротко кивнул: — Понимаем. Работаем.

Зацепин: — Они уверены, что Анжелу «не найдут никогда». И если почувствуют угрозу — начнут действовать снова.

Пауза.

— Поэтому мы должны быть на шаг впереди.

Он повернулся к Климову:

— Выезд в Берёзовск вместе с Серебровым и Кононовой — после подготовки информации. Буду ждать.

Зацепин продолжил:

— Работаем. И спасибо, Людмила Сергеевна. Ваши выводы — ключевые.

Психолог тихо сказала:

— Главное — понять, к кому она вышла. И почему этот человек стал для неё последним.

Зацепин закрыл папку, посмотрел на всех:

— Работаем. Исчезновение Анжелы — не случайность. И кто-то очень не хотел, чтобы она дошла до родителей.

Серебров молча пролистал несколько листов, нахмурился.

— Наши вели?

— Нет. Регион, тогда ещё милиция. Он постучал пальцем по корешку папки: — Подними всё, что по ней есть. Оригиналы, журналы регистрации, рапорта. Кто принимал заявление, кто вёл, кто закрывал, на каком основании. Мне нужен полный расклад: что делали, чего не делали и кто за это отвечал.

— Понял, — кивнул Серебров.

— И ещё, — добавил Зацепин. — Составь краткую хронологию: дата исчезновения, первые действия родителей, их поездки, заявления, ответы. По дням. Чтобы я видел картину, а не обрывки.

Он на секунду задумался, затем продолжил:

— Как только будет первичный анализ — зайдёшь с Климовым. Будем решать, кто ещё поедет в Берёзовск и Дивное. Но уже сейчас готовься: это дело будем вести мы. Не «на контроле», а реально.

Серебров поднял глаза: — Значит, запускаем?

— Запускаем, — коротко сказал Зацепин. — Официально. И сделаем всё возможное.

Он закрыл папку ладонью — словно ставя точку. Но оба понимали: это не конец. Это начало.

Кабинет Климова. Составление плана.

Кабинет Климова был тих, как операционная перед началом сложной операции. За окном серый мартовский свет, холодный и плоский. На столе папки, фотографии, протоколы, диктофон, чашки с остывшим кофе.

Серебров стоял у доски, держа в руках маркер. Он уже третий раз перечитывал свои заметки, пытаясь выстроить их в логическую цепочку.

Людмила Сергеевна сидела чуть в стороне, но её взгляд был цепким, внимательным. Она не вмешивалась, пока не чувствовала, что её слово действительно изменит ход мысли.

Климов, как всегда молчаливый, сидел за столом, перебирая фотографии из квартиры Анжелы. Он не поднимал головы, но было видно — слушает каждое слово.

Начало работы.

— Итак, — Серебров глубоко вдохнул. — Начнём с ключевых фактов. Без эмоций, только то, что есть.

Он написал на доске:

1. Фактор внезапности.

— Радостный тон в разговоре с матерью, — произнёс он. — Утро было обычным. Никаких признаков тревоги. Недопитый чай. Значит, она собиралась вернуться к столу.

— Это важно, — тихо сказала Людмила Сергеевна. — Радость — состояние открытости. Она не ждала угрозы. Не была настороже.

Климов поднял глаза: — Запишите: *не ожидала опасности*.

Серебров кивнул и добавил фразу в план.

2. Беременность и отношения.

— Второй блок, — продолжил он. — Беременность. Отношения с охранником гостиницы.

— Он знал, — уточнила Людмила Сергеевна. — Но мы не знаем, как он это переживал. Для мужчины её возраста беременность — это либо радость, либо паника.

— Или угроза, — добавил Климов. — Если у него семья.

Серебров записал: *неизвестно — конфликты, давление, страх ответственности*.

3. Причины выхода из квартиры.

Серебров начал перечислять варианты, но Людмила Сергеевна подняла руку.

— Подождите. Важно не просто перечислить. Важно понять, что объединяет все сценарии. Она вышла без обуви. Это значит: либо доверие, либо сильный эмоциональный импульс. Страх, тревога, срочность.

Климов коротко кивнул:

— Запишите: *выход без подготовки — ключевой фактор*.

4. Криминальные сценарии.

Серебров начал диктовать:

— Похищение. Она могла выйти к знакомому. Или к человеку, которого не боялась.

— Или к тому, кто сказал что-то, что ударило по самому больному месту, — добавила Людмила Сергеевна. — Беременные женщины особенно уязвимы к угрозам, связанным с ребёнком.

— Значит, — Климов поднялся, — в план включить: *манипуляция через страх за ребёнка*.

Зачистка свидетелей.

Когда они дошли до списка погибших и пострадавших, в кабинете повисла тяжёлая тишина.

— Это уже не теория, — сказал Климов. — Это система. Они чистят хвосты.

— И будут продолжать, — добавила Людмила Сергеевна. — Пока мы не поймём, кто был для Анжелы последним человеком.

Серебров записал это как итоговый вывод.

ПЛАН РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛУ АНЖЕЛЫ КРАВЧЕНКО.

1. Ключевые факты — что проверить.

1.1. Утро исчезновения.

Действия:

- Провести повторный осмотр квартиры с криминалистом (10 лет прошло, но фото и протоколы могут содержать недочёты).
- Проверить: — следы на столе, отпечатки; — остатки чая

(есть ли анализы? если нет — поднять архив); — следы обуви/носков у двери; — состояние замка, цепочки, глазка.

- Изъять и изучить первичные протоколы осмотра — проверить на фальсификации или пропуски.

1.2. Телефонные соединения.

Действия:

- Запросить детализацию звонков Анжелы за сорок восемь часов до исчезновения.
- Установить номер последнего входящего звонка.
- Проверить, кому принадлежал номер и где находился абонент.

2. Беременность и отношения — что установить.

2.1. Охранник гостиницы.

Допросить:

- Охранника (бывшего или действующего), его жену/партнёршу, коллег по смене.

Проверить:

- Был ли конфликт, реакцию на беременность, озможные угрозы, давление, попытки скрыть отношения, него алиби утром исчезновения.

2.2. Медицинские данные.

Действия:

- Установить, где она наблюдалась, апросить карту беременности.
- Проверить, не было ли попыток вмешательства в бере-

менность.

3. Причины выхода из квартиры — как отработать.

3.1. Криминальные сценарии.

3.1.1. Похищение.

Действия:

- Определить круг лиц, которым Анжела доверяла.
- Проверить всех, кто мог прийти к двери: — соседи, — курьеры, — знакомые, — сотрудники ЖКХ.
- Запросить архивные журналы вызовов служб.
- Опросить соседей: кто видел момент выхода Анжелы,

куда и с кем она пошла.

- Проверить наличие постороннего транспорта у подъезда.

Допросить:

- всех, кто знал о беременности; родственников охранника; подруг Анжелы.

Проверить:

- были ли угрозы, были ли попытки давления.

3.1.3. Вовлечение в замкнутую группу.

Действия:

- проверить связи Анжелы (архив);
- установить, не посещала ли она религиозные, психологические или закрытые группы, опросить подруг по работе и учёбе.

3.1.4. Устранение свидетелей.

Действия:

- проверить все преступления, произошедшие в районе за сорок восемь часов до исчезновения, сопоставить маршруты Анжелы;
- допросить соседей: не видели ли они подозрительных лиц;
- принять меры к сохранению жизни «ценных» свидетелей.

3.1.5. Похищение ребёнка.

Действия:

- проверить клиники, частные акушерские центры, частные роддома;
- установить, не было ли в городе случаев торговли младенцами;
- запросить архивные дела о незаконных усыновлениях.

3.2. Способы вызова из квартиры.

3.2.1. Срочный звонок.

Действия:

- проверить детализацию звонков;
- установить, не было ли звонков с подменных номеров;
- запросить у оператора данные о «серых» номерах в районе.

3.2.2. Звонок в дверь.

Действия:

- допросить всех соседей по подъездам и прилегающим домам;
- проверить, кто заходил в подъезд по журналам домофона (если архив сохранился);

- установить, были ли в доме курьеры, ремонтники, почтальоны.

4. Несчастный случай.

Действия:

- проверить все ДТП в радиусе 10 км в день исчезновения;
- проверить больницы на предмет «неустановленных женщин» с амнезией;
- запросить архивы МЧС: падения в люки, шахты, подвалы;
- сопоставить данные со временем исчезновения.

5. Внезапное ухудшение здоровья.

Действия:

- проверить вызовы скорой помощи по адресу;
- допросить бригаду, если вызов был;
- проверить, не было ли поддельных вызовов.

6. Сопутствующие обстоятельства — работа с «за-чисткой».

Действия:

- поднять материалы смерти, допросить соседей;
- проверить, кто имел доступ к квартире.

7. Елена Викторовна.

Действия:

Негласное наблюдение за Еленой Викторовной и Ольгой.

- допросить её повторно;
- установить, кто мог организовать покушение;
- проверить её связи с клиникой «Благодетель»;
- проверить отсутствие прослушки и «крота».

8. Главный вопрос — кому Анжела открыла дверь.

Действия:

- составить список всех лиц, которые могли вызвать доверие;
- проверить алиби каждого;
- сопоставить время звонков, время выхода, время появления подозрительных лиц в районе;
- установить, кто из них связан с клиникой «Благодетель».

8. Дополнительные меры (при наличии точных доказательств).

- назначить оперативное наблюдение за оставшимися свидетелями, проверить сотрудников клиники «Благодетель» (архивные списки), запросить финансовые связи клиники;
- проверить связи охранника с клиникой;
- установить, кто мог быть заинтересован в младенце Анжелы;
- проверить частные акушерские центры на предмет исчезновений беременных.

Серебров зачитывает план вслух. Климов вносит правки в отдельные пункты, подписывает документ и несёт Зацепину на утверждение.

Зацепин утверждает план действий.

Глава 2. Прибытие

Берёзовск. 15 марта, 14:40.

Поезд замедлил ход, входя в Берёзовск. Мартовская сырость висела в воздухе, снег лежал серыми островками, а город казался настороженным — будто знал, что сегодня в него войдут люди, которым он не рад.

На перроне стоял один встречающий — капитан в форме, подтянутый, собранный, с лицом человека, привыкшего выполнять распоряжения, а не задавать вопросы.

Он шагнул вперёд:

— Капитан Корнеев Андрей Михайлович, отдел внутренних дел (ОВД) Берёзовска. Встречаю вас по распоряжению полковника Дмитрия Леонидовича Стрельникова.

Климов кивнул. Рядом — подполковник Серебров, спокойный, сдержанный. Позади — лейтенант Кононова с блокнотом в руках.

Корнеев провёл их к машине. Город за окнами был тихим, слишком тихим — как место, которое десять лет живёт с тайной и научилось молчать.

УВД Берёзовска, 15:55.

Здание управления — двухэтажное, облупленная штука-турка, новые пластиковые окна. Внутри суета. Кто-то прятал бумаги, кто-то исчезал в дверях, кто-то делал вид, что работает.

Климов шёл медленно, не глядя по сторонам — он чувствовал. Суета была не от радости, от страха или от желания казаться нужными.

Корнеев остановился у двери с табличкой:

«Начальник ОВД. Полковник полиции Дмитрий Леонидович Стрельников».

Кабинет полковника Стрельникова.

Кабинет был просторным, но слишком аккуратным. На стенах грамоты, фотографии, портрет президента. На подоконнике растение, подстриженное до идеальной формы.

Полковник Стрельников поднялся из-за стола.

— Полковник Климов, добро пожаловать — сказал он, протягивая руку. — Рад, что вы теперь с нами.

— Я здесь не для радости, — спокойно ответил Климов. — Я здесь по делу. *(Даже фамилию уже знает. Однако утечка у нас...)* — пронеслось у него в голове.

Стрельников кивнул. Он не был ни врагом, ни другом. Он был человеком, который понимал: лучше не мешать.

— Кабинет вам выделили, машину тоже. Держите меня в курсе... по мере необходимости.

— По мере необходимости, — повторил Климов. — И отдайте распоряжение всем дежурным и начальнику уголовного розыска: обо всех убийствах, ДТП, чрезвычайных происшествиях — немедленно сообщать мне. И мне нужны ещё пару толковых оперативников.

Стрельников нажал кнопку селектора:

— Пригласите Гречухина и Лукашова. Капитан Корнеев, начальник уголовного розыска, слышит, а старшему дежурному я сейчас дам распоряжение.

Через минуту вошли двое:

- старший лейтенант **Гречухин Артём Валерьевич**,
- лейтенант **Лукашов Илья Сергеевич**.

Оба — собранные, внимательные, без лишних эмоций.

— Поступаете в распоряжение полковника Климова. Гречухин — старший.

Климов посмотрел на них коротко, оценивающе.

— Завтра в десять — доклад. Всё, что есть по делу Анжелы Кравченко и всё, чего нет — тоже.

— Слушаемся, — ответил Гречухин.

Стрельников поднялся:

— Кабинет вам подготовили. Покажут.

Климов кивнул и первым вышел в коридор вместе с Серебровым и Аней. Гречухин, Лукашов и капитан Корнеев шли чуть позади.

Кабинет Климова.

Корнеев проводил их на второй этаж и открыл дверь:

— Здесь будете работать.

Кабинет — бывший кабинет замначальника. Пустая доска для схем. Карта Берёзовска на стене. Стол, лампа, три стула.

— Если что понадобится — обращайтесь, — сказал Корнеев.

— Спасибо. Всё дела по исчезновению Анжелы Кравчен-

ко. Свободны, — ответил Климов.

Кабинет был разделён на две рабочие зоны: большой стол у стены и отдельный стол ближе к окну. На стене — карта Берёзовска, рядом пустая доска.

Климов остановился на пороге, огляделся и сразу расставил акценты: — Здесь наш штаб.

В дверь постучали. Корнеев, испросив разрешения, вошёл с двумя небольшими папками.

— Вот принёс, — сказал он, кладя папки на стол. — Я ещё нужен? Проведу товарищей в их кабинет. Он рядом с вашим.

— Спасибо. Вы свободны.

Корнеев вышел, пригласив Сереброву и Кононову в соседний кабинет.

Кабинет Сереброва и Кононовой.

Небольшой кабинет для двоих. Два стола, несколько стульев, шкаф с папками. На каждом столе телефон и настольная лампа. На окне старые шторы, давно не свежие. Цветов на подоконнике не было.

Климов бегло осмотрел помещение и вышел, позвав Сереброва к себе. — А вы, Аня, устраивайтесь. Составьте план на завтра.

Когда все трое устроились в своих кабинетах — каждый на своём месте — Климов обратился к оперативникам:

— Вам, Аня, — опрос всех свидетелей. Тебе, Павел, — всё по клиникам, роддомам и так далее. Согласно плану.

Возьмите папки, выберите свои вопросы из материалов дела.

— Завтра в десять — здесь же. Полный доклад по Анжеле Кравченко. Всё, что есть и всё, чего нет.

Кабинет Климова. 16:20.

Когда дверь закрылась, Серебров тихо сказал: — Город напряжён.

— Город что-то скрывает, — поправил Климов. — И давно.

19:40. Отказ от ужина.

Секретарь принесла чай и бутерброды.

— Может, в столовую? Ужин ещё подают.

— Спасибо, не надо, — сказал Климов.

Серебров улыбнулся: — Мы лучше здесь.

Они работали молча. Серебров фотографировал протоколы, сортировал материалы. Климов выстраивал временную линию исчезновения.

В 21:00 в дверь постучал Корнеев:

— Машина готова. Вас отвезут на квартиру.

Климов взял несколько папок, выключил свет.

21:15. У двери номера Ани Кононовой.

Машина остановилась у жилого корпуса для командированных. Корнеев вышел первым, открыл багажник.

— Лейтенант Кононова, ваш номер — 312. Мужчины — этажом выше.

Климов кивнул: — Сначала её.

Они поднялись на третий этаж. Серебров взял чемодан

Кононовой, донёс до самой двери, поставил аккуратно у порога и чуть отступил, давая ей пространство.

— Аня, — сказал он мягко, — если что-то понадобится — мы рядом.

Она кивнула, вставляя ключ в замок.

— Спасибо, Павел. Всё нормально.

Климов посмотрел на часы.

— Через пятнадцать минут ждём на ужин.

— Пятнадцать? — уточнил Серебров.

— Да. Пусть разберёт вещи, умоется, отдышится. И спустится.

Он не уходил, пока она не открыла дверь, не вошла и не закрыла за собой. Только тогда повернулся к Климову. Климов кивнул: он понимал — это не формальность, это забота.

Они поднялись на четвёртый этаж — каждый в свой номер.

21:30. Кафе на первом этаже. Последний ужин в тишине.

Кафе было почти пустым — тёплый свет, запах супа и свежего хлеба. Климов уже сидел у окна, пил чай. Серебров пришёл через минуту.

— Она придёт, — сказал он, садясь.

— Я знаю, — ответил Климов.

В 21:32 появилась Аня.

Она вошла тихо, но уверенно. Волосы собраны, лицо свежее — она успела привести себя в порядок.

Серебров поднялся первым: — Аня, сюда.

Она улыбнулась — коротко, благодарно. — Спасибо, что подождали.

— Мы и не собирались уходить, — сказал Климов. — Садись. Ужинать надо.

Они заказали: Ане — суп и чай, Сереброву — салат и кофе, Климову — чай и бутерброд.

Разговор был спокойным, почти домашним. Никаких рабочих тем — только еда и тишина.

Климов следил, чтобы Аня поела. Серебров — чтобы она не чувствовала себя обязанной.

Между ними была тишина, но тишина правильная — тёплая, уважительная.

Когда они вышли из кафе, коридор был пуст.

— Завтра в девять — сбор, — сказал Климов. — Спокойной ночи.

— Спокойной, — ответила Аня.

Серебров проводил её до двери — уже без чемодана, но с тем же вниманием. — Если что — я рядом, — сказал он тихо. — Спокойной ночи. Отдыхай, завтра будет тяжёлый день.

Кононова улыбнулась устало, но искренне. — Спасибо. Доброй ночи.

— Знаю, Павел. Спасибо, — добавила она уже тише.

— Утром в 8:30 выезжаем.

Она вошла, закрыла дверь. Серебров постоял секунду, по-

том повернулся к Климову.

— Всё нормально.

— Я знаю, — ответил Климов.

— Как в старые времена, — усмехнулся Серебров.

Они разошлись по номерам.

Глава 3. Гостиница «Берёзка»

Берёзовск. 16 марта, 9:10.

Гостиница «Берёзка» стояла на углу площади — старое здание, пережившее ремонт, но не обновление. Фасад свежий, но внутри всё дышало прошлым: запах полироли, старые ковры, тишина, в которой слышно, как щёлкают реле в стенах.

Климов вошёл первым. Серебров — рядом, Аня чуть позади, с блокнотом.

На стойке администратора сидела женщина лет пятидесяти, с выцветшими глазами и выражением лица «я здесь давно и всё видела».

— Нам нужен директор, — сказал Климов.

Она не удивилась. Только кивнула: — Он вас ждёт.

Кабинет директора.

Директор гостиницы, Владимир Аркадьевич Костров, был человеком, который умел держать лицо. Седина, аккуратный костюм, руки сложены на столе.

— Добрый день. Проходите.

Климов показал удостоверение.

— Нужны списки сотрудников, которые работали здесь десять лет назад.

— Я подготовил список тех, кто работает сейчас и работал тогда. Кого вызвать первым?

— Всех, — сказал Климов. — По одному, в порядке, который считаете правильным.

— Вам выделили отдельную комнату, — добавил Костров. — Она рядом с моим кабинетом.

Климов, Серебров и Кононова прошли в указанную комнату.

Костров нажал кнопку селектора: — Пригласите Марину Петровну.

1. Администратор Марина Петровна.

— Анжела должна была выйти на смену двадцать восьмого декабря утром. Но не пришла. Это было очень странно — она никогда не опаздывала.

— Вы ей звонили?

— Да. Телефон был выключен. Мы волновались.

— Двадцать седьмого она работала?

— Да. И была... напряжённая.

2. Горничная Света.

— Она не вышла двадцать восьмого. Мы думали, что заболела, но она бы предупредила.

— Она жаловалась на кого-то?

— Нет. Но осенью и в декабре её кто-то ждал у гостиницы. Высокий мужчина в пальто.

3. Охранник Лёха.

— Я был на смене двадцать восьмого утром. Анжела должна была прийти к восьми. Не пришла.

— Вы видели её двадцать седьмого вечером?

— Это не моя смена. Но вечером двадцать восьмого возле гостиницы стояла чёрная машина.

Серебров уточнил:

— Это была ваша смена? Вы по графику заступили? *(Для себя отметил: «взять график дежурств».)*

Аня подняла глаза от записей:

— Скажите, Лёха... Виктор Савельев должен был быть на смене двадцать восьмого декабря, верно?

— Да. Его день.

— Но вышли вы. Почему?

— Он попросил. Сказал, что не может.

— Что именно сказал? — Аня говорила мягко, но цепко.

— Ну... что надо отлучиться. Личные дела.

— Он часто просил вас подменять его?

— Последнее время — да.

— Что говорил, когда просил?

Лёха отвёл взгляд:

— В основном — по личным делам. Он не уточнял.

— Вы знаете, где он был двадцать восьмого?

— Нет. Я не спрашивал. Он просто сказал: «Выручи, брат».

— И вы выручили.

— Да.

Аня сделала пометку:

«Виктор отсутствовал на работе в день исчезновения. Причина — не объяснена».

4. Техник Пашка.

— Она просила посмотреть замок за несколько дней до исчезновения. Говорила, что кто-то трогал её вещи.

— Когда?

— Числа двадцать третьего или двадцать четвёртого.

5. Бухгалтер Галина

— Двадцать седьмого я видела, как она плакала в подсобке. Говорила кому-то по телефону: «Я не хочу туда идти».

— А двадцать восьмого?

— Она должна была быть на смене. Но не пришла.

6. Ночной администратор Комов Николай Сергеевич

— Я работал в ночь с двадцать седьмого на двадцать восьмое. Анжела должна была выйти утром. Не пришла.

— Вы пытались ей звонить?

— Да. Телефон был выключен.

— Вы видели её двадцать седьмого?

— Да. Она была на смене. И вечером 2двадцать седьмого возле гостиницы стояла чёрная «Шкода». Я её запомнил.

— Почему не сообщили?

— Потому что меня никто не спрашивал.

Климов — директору «Берёзки»

Климов закрыл блокнот, вошёл в кабинет директора и посмотрел на него так, что тот сразу выпрямился.

— Владимир Аркадьевич, — начал он спокойно, но в голосе была сталь, — вы дали мне список тех, кто работал де-

сять лет назад и продолжает работать сейчас.

Директор кивнул, не понимая, что последует.

Климов сделал шаг ближе: — А мне нужен полный список.

— В каком смысле... полный? — осторожно спросил директор.

— В прямом, — сказал Климов. — Все, кто работал здесь десять лет назад. Все, кто уволился. Все, кто перевёлся. Все, кто ушёл по собственному. Все, кого вы сократили. Все, кто работал хотя бы месяц. Он сделал паузу. — С адресами, телефонами, местами нынешней работы и датами увольнений.

Директор сглотнул:

— Это... большой объём.

— Я не спрашивал про объём, — сказал Климов. — Я сказал: список.

Серебров тихо добавил:

— И лучше без пропусков. Мы всё равно проверим.

Директор понял, что отступать некуда. — Хорошо. Я подготавливаю.

— До семнадцати ноль-ноль сегодня, — сказал Климов.

Он закрыл блокнот, поднялся и посмотрел на директора — спокойно, но так, что воздух в кабинете стал плотнее.

— Владимир Аркадьевич, — произнёс он, — мне нужен Савельев. Срочно.

Директор замялся:

— Его... нет на месте.

— Где он?

— Не знаю. На смене его нет. Телефон выключен.

Климов медленно кивнул. Это был тот самый ответ, который он ожидал — и который ему не нравился.

— Хорошо, — сказал он ровно. — Тогда так.

Он сделал шаг к двери, но остановился и повернулся к директору:

— Передайте ему: завтра в десять ноль-ноль он должен быть у меня в ОВД. Пауза. — Лично. Без опозданий.

— Если я его найду...

Климов посмотрел на него так, что директор осёкся. — Найдите.

Директор сглотнул: — Я... передам.

— Передайте, — повторил Климов. Если он не придёт сам — за ним приедут. — И убедите, чтобы он меня услышал.

Серебров поднялся. Аня закрыла блокнот и встала.

Климов коротко спросил: — Записала?

— Да.

— Хорошо.

Он открыл дверь, пропустил Аню вперёд — уважительно, как всегда — и только потом вышел сам.

В коридоре Аня тихо сказала:

— Николай Сергеевич... это будет огромный список.

— Тем лучше, — ответил Климов. — Чем больше людей — тем меньше шансов, что кто-то спрячется.

Серебров усмехнулся уголком губ: — А Савельев уже пря-

чется.

Климов кивнул:

— Значит, найдём его первым. Савельев что-то скрывает. И он это знает.

— И он не хочет, чтобы мы его нашли, — добавил Серебров.

— А мы найдём, — спокойно сказал Климов.

Коридор гостиницы уже стих. Двери закрылись, шаги свидетелей растворились в вечерней тишине. Они вышли из гостиницы в холодный мартовский воздух. Дело начиналось по-настоящему.

Гостиница «Берёзка». Журналисты и следствие.

Городок встретил утро липким туманом и душным предчувствием беды. В таких местах, как Берёзовск, новости не ходят — они сочатся сквозь стены, передаются шёпотом на рынках и оседают пылью на подоконниках.

К десяти утра уже каждый второй знал: в «Берёзку» приехали «важняки» из Москвы. И копают они не по вчерашнему дебошу, а по делу Анжелы Кравченко — девчонки, о которой здесь старались не вспоминать последние десять лет.

Городок был маленький — настолько, что любое событие становилось новостью быстрее, чем успевали включить телевизор. А уж приезд московских следователей — тем более.

С утра по улицам уже ходили шёпоты:

«В „Берёзке“ идут допросы...» «Это из-за той девчонки... Анжелы...» «Десять лет прошло, а они приехали...» «Гово-

рят, нашли...»

К обеду на площади перед гостиницей уже стояла толпа — зевак и, местные блогеры, пара репортёров из районной газеты. А после обеда подъехали и настоящие журналисты — с микрофонами, камерами, штативами. Городок гудел, как улей.

Двери «Берёзки» распахнулись. Первым вышел полковник Климов — высокий, сухой, с лицом человека, который не любит, когда его отвлекают. За ним — двое оперативников и эксперт-криминалист.

Климов невольно зажмурился: вместо привычной провинциальной тишины его встретил стрёкот затворов и жадный гул голосов.

Тишина длилась секунду. Потом — взрыв.

Журналисты рванули вперёд, словно стая голодных чаек. Они окружили крыльцо, отрезая путь к машине. Камеры лезли в лицо, микрофоны тянулись, как копыя. Анна инстинктивно пригнула голову, прячась за плечом Климова.

Климов остановился на верхней ступеньке. Он не любил прессу, особенно ту, что пахнет дешёвым парфюмом и сенсацией. Его лицо, обычно спокойное, сейчас напоминало гранитный утёс.

Камеры поднялись над головами.

— Господин полковник, правда, что вы нашли новые улики по делу Кравченко?! — Это правда, что Ангела Кравченко была убита?! — Вы нашли её останки?! Где?! — Почему

Москва взялась за дело именно сейчас?! — Есть подозреваемые?! — Это связано с клиникой «Благодетель»?! — Говорят, её видели в другом городе! Это правда?!

Климов смотрит прямо в камеру:

— Если у кого есть информация — обращайтесь в следственную группу. Анонимность гарантируем.

Он поднял руку — коротко, жёстко. Шум стих на полтона.

— Комментариев не будет, — сказал он спокойно, но так веско, что ближайшие репортёры попятились.

— Но город должен знать! — выкрикнул парень с диктофоном. — Люди говорят, что Анжелу видели в списках доноров!

Климов медленно повернул голову. Взгляд был тяжёлым, холодным — от него веяло Петровкой и камерами СИЗО.

— Город должен знать одно: следствие идёт. И любой, кто будет мешать работе или распространять слухи, рискует стать фигурантом дела о воспрепятствовании правосудию. Следственные действия продолжаются. Просьба не мешать работе.

Он аккуратно, но решительно отодвинул плечом самого ретивого оператора, освобождая дорогу Анне. — В машину. Быстро, — бросил он.

Они пробирались к служебной «Волге» сквозь плотное кольцо тел. Вспышки слепили, выхватывая из толпы бледные, любопытные лица.

Кто-то крикнул:

— Господин полковник! Это правда, что дело связано с Москвой?!

Климов даже не повернул головы.

У автомобиля он обернулся и бросил в толпу:

— Всё, что нужно, мы выясним. Без шума.

Уже захлопывая дверь, он заметил на втором этаже гостиницы отодвинутую штору. Кто-то наблюдал за этим цирком сверху. Климов знал: шоу только началось. Город вздрогнул — и эта волна докатится до Москвы, до кабинета Зацепина.

Мигалка вспыхнула, и машина рванула с места.

А в городе уже начиналась новая волна слухов:

«Он не стал отвечать... значит, нашли», «Дело точно раскроют...» «Кто-то из „Берёзки“ что-то скрывал...».

В кафе обсуждали её исчезновение. В соцсетях появилось первое видео: *«Полковник Климов: «Новые свидетельства!»* У гостиницы остались зеваки — ждали, когда выйдут опрошенные сотрудники.

А на доске объявлений у почты кто-то прикрепил старый снимок Анжелы Кравченко с подписью:

«Ей было двадцать пять. Она просто работала в „Берёжке“. Где она теперь?»

И городок продолжал шуметь, как потревоженный улей.

Возвращение в кабинет и сортировка папок

Когда они вошли в кабинет, воздух был прохладным, пах бумагой и старым деревом. На столе лежали стопки папок: показания, журналы регистрации, копии паспортов, служеб-

ные записки.

Анна сняла куртку, повесила на спинку стула и включила настольную лампу — мягкий свет упал на стол, выхватывая пыльные края папок.

— Начнём? — спросила она.

— Уже начали, — отозвался Серебров.

Они работали молча. Тишина была рабочей, плотной, как воздух перед грозой.

Анна раскладывала документы по датам, отмечала совпадения, делала пометки. Серебров просматривал журналы регистрации, сверял фамилии, время въезда и выезда, проверял, кто мог видеть Анжелу.

Иногда они обменивались короткими фразами:

— Эта семья жила на третьем этаже. — А этот мужчина уехал утром, его можно исключить. — Здесь несостыковка по времени. — Запиши, потом сверим.

— Савельев прячется, — заметил Серебров, раскладывая личные дела. — Значит, он и есть наше слабое звено, — отозвалась Аня.

Папки постепенно превращались в аккуратные стопки. Хаос — в структуру, сомнения — в рабочие версии.

К восьми вечера стопка материалов была отсортирована. Когда последняя папка была закрыта, Анна выдохнула:

— Всё, на сегодня хватит.

Серебров собрал отсортированные материалы, выровнял их ладонью и поднялся. — Я отнесу.

Он вышел в коридор. Кабинет Климова был в конце — дверь приоткрыта, свет горел.

Климов поднял глаза, когда Серебров вошёл. — Готово?

Серебров положил стопку на стол — ровно, как доклад, который говорит сам за себя.

— Здесь всё, что удалось собрать. Свидетели, журналы, несостыковки. Мы отметили всё, что может пригодиться.

Климов провёл рукой по верхней папке — будто ощущая вес не бумаги, а того, что за ней стоит.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Это то, с чего начинается настоящая работа.

Серебров вышел, закрыв дверь мягко.

Шторы.

— Хорошо, Паша, я ещё с ними поработаю, — сказала Аня, когда Серебров вышел из кабинета Климова.

Он вернулся в свой кабинет минут через десять. Открыв дверь, замер.

Аня стояла на стуле, вытянувшись на носках, пытаясь снять тяжёлые, давно не стиранные шторы. Стул под ней покачивался.

— Ты что творишь? Упадёшь! — воскликнул Серебров и в два шага оказался рядом.

Он подхватил её за талию и помог спуститься. Аня смущённо поправила выбившуюся прядь.

— Их нужно освежить, — сказала она тихо. — Пыльные они.

— Освежить... — проворчал он, но без злости. — Дай сюда.

Он сам вскочил на стул, ловко снял шторы, свернул их и положил в пакет. По пути он приоткрыл дверь Климова:

— Товарищ полковник, шторы заберём. Аня стирает.

Климов поднял глаза: — Делайте. Нам тут ещё работать.

В гостиницу они вернулись поздно. Поужинали молча — усталость давила на обоих.

У двери её номера Серебров остановился: — Спокойной ночи, Аня.

— И тебе, Паша.

Она закрыла дверь. Серебров пошёл к себе — работать дальше. Аня же занялась шторами: постирала, высушила, выгладила. Ткань стала мягкой, светлой.

Утро.

После завтрака, пока Серебров получал указания у Климова, Аня решила повесить шторы сама — чтобы не отвлекать его.

Она поставила стул, поднялась, потянулась к карнизу... Ткань соскользнула из рук, стул качнулся — и она начала падать.

Дверь распахнулась. — Аня! — крикнул Серебров.

Он подскочил в два прыжка и успел поймать её. Она буквально рухнула ему в руки, инстинктивно обхватив его шею. Он прижал её крепко — от испуга.

Несколько секунд они стояли так, не двигаясь. Она — ис-

пуганная, прижавшаяся к нему. Он — с бешено колотящимся сердцем.

Аня первой пошевелилась, подняла на него смущённый взгляд.

— Тебе больно? — выдохнул он. — Я... я тебя сильно прижал? Ты не ушиблась?

Она улыбнулась — робко, но искренне — и тихо рассмеялась.

— Нет, что ты... Всё хорошо.

Он отпустил её, отступил на шаг.

— Спасибо, — прошептала она.

Серебров отвёл взгляд.

— Больше сама так не делай, — сказал он строже. — Я сам.

Он встал на стул и уверенно повесил шторы. Аня стояла рядом, подсказывая: — Правее... ещё чуть-чуть... вот так.

Он расправил ткань. В кабинете сразу стало светлее.

Глава 4. Сломанное звено.

Допрос Виктора Савельева

ОВД Берёзовска. 17 марта, 10:00. Комната для допросов.

Допросная встретила Савельева холодом серых стен и слепым глазом видеокамеры. Он сел на край стула, сложив дрожащие руки на коленях. Климов вошёл последним. Резкий щелчок включённой камеры разрезал тишину.

Лампа гудела ровно и монотонно, подчёркивая тяжесть момента. Виктор Петрович Савельев сидел напротив Климова, пытаясь выглядеть расслабленным, но пальцы, постукивающие по колену, выдавали нервозность.

Климов не спешил. Он медленно перелистывал папку, будто вчитываясь в давно знакомые строки.

Он посмотрел в объектив:

— Десять часов ноль ноль минут. Допросная комната номер два. Следовательно по особо важным делам Главного следственного управления МВД России, полковник Климов. Видеофиксация включена.

Повернулся к Савельеву:

— Предупреждаю: допрос ведётся с видеозаписью. Вы имеете право не свидетельствовать против себя и своих близких. Понятно?

— Да... понятно.

— Назовите ваши данные.

— Савельев Виктор Петрович. — Год рождения? — 1984.

— Паспорт? — Вот...

Климов проверил документ, вернул.

— Проживание? — Лесная, семь, двадцать один. — Работа? — Гостиница «Берёзка». Охранник. — С какого года? — С 2008-го.

Климов закрыл паспорт. — Переходим к вопросам.

Он положил перед собой папку.

I. Роман под грифом «Секретно»

— Итак, Виктор Петрович. Охранник гостиницы «Берёзка», примерный семьянин... И при этом — тайный роман с администратором той же гостиницы Анжелой Кравченко.

Савельев дёрнул губой. На правой щеке белел неровный след старой царапины.

— Это в прошлом, — глухо сказал он. — Десять лет прошло. Что вы хотите услышать?

— Я хочу услышать правду о двадцать восьмом декабря, — голос Климова стал жёстче. — О том дне, когда Анжела, будучи на седьмом месяце беременности от вас, исчезла из своей квартиры в одних тапочках и лёгкой куртке оставив на столе недопитый чай и документы. Она ведь ждала вас, Виктор?

Савельев усмехнулся, но глаза остались холодными.

— Я её не видел в тот день.

— Вот как? — Климов выложил на стол распечатку теле-

фонных соединений. — Она знала, что вы женаты?

— Да... знала. Она нашла Снимок УЗИ, в моём кармане пиджака, Но мы... это было серьёзно.

— Настолько серьёзно, что вы обещали приехать к её матери в Москву тридцать первого декабря и «всё решить»? — Климов ударил ладонью по папке. — Но двадцать девятого вечером вы сказали её матери: «Свою жену в положении не оставлю. Разводиться не буду». Что изменилось за сутки, Виктор?

Савельев закрыл лицо руками. Пауза затянулась.

II. 28 декабря: провал в памяти.

— Где вы были двадцать восьмого декабря с восьми утра до вечера?

— Дома. Один.

— Кто подтвердит?

— Никто.

— Очень удобно, Климов сел напротив, заглядывая ему в глаза. — Анжела была на седьмом месяце. Она собиралась всё рассказать вашей жене. Вы не вышли на смену двадцать восьмого, попросили Лёху подменить. Сказали — «личные дела». Какие дела могут быть важнее исчезнувшей женщины, которая ждёт от вас ребёнка?

— Я... я не мог с её отцом говорить на заправке. Он смотрел на меня так, будто я виноват! — выкрикнул Савельев.

III. Жена и «Берёзка».

— Ваша жена, Марина Николаевна. Она знала?

— Подозревала. Были сцены. Она сказала: «Если у тебя кто-то есть — лучше, чтобы я её не увидела».

— И после исчезновения Анжелы она просто поверила вашему «нет»? Климов поднял бровь. — Ваша жена — дочь полковника. Она не из тех, кто верит на слово.

Климов сделал пометку: *«Контраст: Савельев — размазня, жена — кремень»*.

— А что насчёт директора «Берёзки»? — мягко спросил он. — Говорят, у вас и с ней была связь. Она уволилась и исчезла из города сразу после Анжелы. Совпадение?

Савельев резко напрягся, глаза забежали:

— Это... это было давно. Я не знаю, почему она уехала.

Климов захлопнул папку — звук был сухим, как выстрел.

— Виктор Петрович, посмотрите на меня. У вас нет алиби. Вы — последний, кто говорил с Анжелой. Вы ввали все: жене, Анжеле, её матери. Теперь врёт следствие. Десять лет вы жили спокойно, потому что дело «сушили». Теперь всё.

— Я не трогал её! — Савельев задрожал.

— Тогда скажите, кто тронул. Кто из вашей семьи решил «устранить проблему»? Тесть? Жена?

Савельев молчал, глотая воздух.

— Уведите, — бросил Климов конвойному. — Савельев Виктор Петрович задерживается по подозрению в причастности к убийству.

Когда дверь за рыдающим охранником закрылась, в комнате Климов, размышляя, проговорил вслух:

— Он не убивал, Слишком слаб. Но он знает, кто вывел её из квартиры.

— Он заговорит, — сказал он спокойно. — Когда поймёт, что его семья готова сделать его козлом отпущения.

Глава 5. Допрос жены Савельева. Обыск

I. Лёд и пламя в комнате допросов.

Климов сидел напротив Марины Савельевой. Она выглядела как образцовая жена: строгий костюм, безупречная причёска, холодный, пронизательный взгляд.

— Марина Николаевна, — Климов листал протокол, — ваш муж утверждает, что в ночь исчезновения Анжелы он был дома. Вы можете это подтвердить?

— Мой муж — человек увлекающийся, господин подковник, — ответила она с лёгкой, почти презрительной улыбкой. — Но он не убийца.

— А вы? — Климов поднял на неё глаза. — Чем занимаетесь? Где работаете?

Марина даже не моргнула:

— Я врач. Сейчас в основном занимаюсь административной работой в частном медицинском фонде. Мы готовим к открытию крупный благотворительный центр. Много бумажной волокиты, согласований с министерством... Сами понимаете, запуск такого объекта — дело пыльное.

Климов сделал пометку: *«Медик. Администратор. Благотворительность»*. Звучало скучно и легально.

Марина сидела так, словно это был трон. Ни тени страха — только ледяное раздражение.

Климов положил перед ней бумаги:

— Постановление на обыск. Город покидать запрещено.

— Вы тратите время, полковник, — её усмешка была едва заметной, но жёсткой. — Мой отец полковник в отставке. Он очень не любит, когда на его семью давят без оснований.

— Оснований достаточно, — Климов сел напротив. — Вы знали о романе Виктора с Анжелой. Знали о беременности. Снимок УЗИ, найденный вами в его кармане, стал точкой невозврата. Для вашей семьи развод — позор. Вы решили «защищать своё», как учили родители?

Марина медленно достала платок:

— Я была дома двадцать восьмого декабря с дочерью. У меня алиби.

— Шаткое алиби, — Климов наклонился вперёд. — Анжела открыла вам дверь, потому что знала вас в лицо. Куда вы увезли её в тот мороз, в одних тапочках?

Марина встала. Пальцы побелели от напряжения, но голос остался ровным: — Ваша фантазия делает вам чест, но фактов у вас нет.

— Факты мы сейчас поищем, — отрезал Климов. — На выход.

2. Городская крепость.

Обыск в квартире Савельевых напоминал осмотр музея. Идеальный порядок, холодный вкус, полное отсутствие личных следов.

Лукашов простукивал стены. Гречухин методично пере-

бирал бумаги в кабинете.

Через три часа Гречухин доложил:

— Чисто, товарищ полковник. Никаких улик. Слишком чисто для жилой квартиры.

Марина наблюдала за ними с нескрываемым презрением. Она размашисто подписала протокол и посмотрела Климову прямо в глаза:

— Завтра я подам жалобу. Мой отец примет меры. Вы пожалеете об этом цирке.

3. Загородный призрак.

Но настоящий холод ждал их в загородном особняке.

Дом встретил оперативников тишиной, которая висела в воздухе, как пыль. Здесь не жили — здесь демонстрировали интерьер.

— Серебров — второй этаж. Кононова — кухня и подсобные помещения, — скомандовал Климов.

Результаты были пугающими:

— **Гостиная:** коллекция книг в кожаных переплётках... с пустыми страницами. Декорация.

— **Кабинет:** стопки чистых бланков. Пепельница пуста. Никто никогда здесь не работал.

— **Кухня:** холодильник пуст. Даже воды нет.

Серебров спустился с лестницы:

— Здесь ничего нет. Ни документов, ни техники. Такое ощущение, что дом готовили не к продаже, а именно к нашему визиту.

Финал ждал под лестницей.

За новой блестящей дверью скрывалась крошечная комната. На стене — едва заметные следы от креплений. Здесь недавно что-то висело: полки или оборудование. Сняли तो-ропливо, но профессионально. На стене — ни пылинки. Свежая уборка кричала сама за себя.

Климов провёл пальцем по идеально чистой поверхности: — Они знали, что мы придём.

4. Уходя в темноту.

Выходя из дома, Климов чувствовал на спине обжигающий взгляд Марины. Она боялась — это он видел. Но он видел и другое: **кто-то в его команде или в управлении предупредил Савельевых об обыске.**

Он открыл блокнот и сделал жирную пометку:

«Савельевы. Загородный дом. Полная зачистка. Кто предупредил?»

Кольцо сжималось. Но теперь Климов понимал: он играет против системы, которая видит каждый его шаг.

Глава 6. Тени старого дома. Первый свидетель

Управляющая компания.

Лейтенант Анна Кононова по заданию Климова занималась тем, что на сленге «оперов» называлось «ногами». Самая нудная, но жизненно важная часть работы — архивы и поквартирный обход. Нужно было установить жильцов, проживающих в доме не менее десяти лет.

Анна отправилась в управляющую компанию за списками.

Управляющая компания (УК) располагалась в старом двухэтажном здании. На фасаде — выцветшая табличка «УК „Жилсервис Центр“», под ней — замусоленные окна с решётками.

— Опять бумажная волокита... — пробормотала она, доставая удостоверение.

Внутри пахло бумагой, пылью и дешёвым кофе. Анна показала удостоверение — и коридор сразу притих.

В приёмной пахло затхлым кофе и старыми папками. За столом дремала женщина в очках, поверх стопки документов спал рыжий кот.

— Лейтенант Кононова, — Анна положила удостоверение. — Мне нужны списки жильцов дома №15 по улице Ленина и соседних домов. Период — последние десять лет.

Секретарь подняла глаза, пощёлкала мышкой: — Основание?

— Розыск пропавшей. Анжела Кравченко, двадцать пять лет.

Секретарь вздохнула так, будто Анна попросила поднять архивы времён Екатерины II, но всё же кивнула:

— Архив в подвале. Я позвоню, вас проведут.

Через минуту появился худощавый мужчина в свитере, пахнувший пылью и старой бумагой. Он молча кивнул и повёл Анну вниз по узкой лестнице.

В подвале стояли металлические шкафы, похожие на ряды солдат. Мужчина открыл один, достал толстую папку.

— Вот. Дом пятнадцатый. И четырнадцатый, и шестнадцатый. Списки жильцов, регистрации, выбытия. Смотрите.

Анна присела за стол, включила лампу и начала листать пожелтевшие страницы.

Через полчаса у неё был список всех, кто жил в доме в год исчезновения Анжелы — и тех, кто потом уехал. 147 фамилий. Три семьи — с пометкой *«выбыли в другие регионы»*. Многие телефоны — *«не отвечают»*.

— Копии можно? — Анна достала флешку.

— Только с разрешения начальника, — секретарь кивнула на дверь с табличкой *«Директор»*.

Анна вздохнула. Через полчаса, после короткого разговора с лысым мужчиной в галстук-селёдке, она вышла с двумя папками и электронным файлом.

— Спасибо. Это очень помогло, — сказала Анна.

Архивариус только пожал плечами — будто ему всё равно, что случилось десять лет назад. Но Анна знала: в таких папках иногда лежат ответы, которых нет ни в одном протоколе.

Городской архив.

Городской архив располагался в подвале бывшей библиотеки. Темно, прохладно, пахло старой бумагой.

Три семьи действительно были:

— **Смирновы** — Краснодар (12.05.2006)

— **Петренко** — Санкт-Петербург (18.08.2006)

— **Ивановы** — Нижний Новгород (03.11.2007)

Анна записала адреса, телефоны, имена детей. В графе «Причина выезда» — везде одинаковое: *«По семейным обстоятельствам»*.

Поквартирный обход.

Анна вышла из подъезда, вдохнула холодный воздух и посмотрела на список. Работа называлась просто — «ногами». Скучная, долгая, но без неё любое расследование превращается в гадание.

Дом №15 — пятиэтажка с обшарпанными ступеньками и запахом кошачьей мочи. Анна начала с первого этажа.

Окна дома смотрели прямо на подъезд Анжелы. Именно здесь мог быть тот самый свидетель.

Квартира 42. Клавдия Степановна.

Дверь открыла пожилая женщина в вязаной кофте. Узнав,

что пришла полиция, она не испугалась — скорее обрадовалась.

— Проходите, милая, чайку попьем.

Через минуту Анна сидела на уютной кухне. Пахло мятой и старой мебелью. Хозяйка поставила вазочку с печеньем и налила крепкий чай.

— Анжелу помню, — сказала она. — Хорошая была девочка. Мать её потом тут долго пороги обивала... всё плакала...

Анна открыла блокнот:

— Вспомните утро двадцать восьмого декабря. Может, машина стояла? Или кто-то заходил?

Клавдия Степановна замерла, словно смотрела кинохронику.

— Я тогда у окна сидела, тесто ставила. Темно было, фонари ярко светили. Машина стояла у подъезда. Тёмная, дорогая. Из неё женщина вышла. Не наша. В шубке светлой, богатой.

Анна мгновенно подобралась: — Лицо видели?

— Нет, со спины. Но помню: в домофон звонила. Её впустили. А минуты через две — три выходит — и за ней Анжелочка. В курточке тонкой... и в тапочках розовых! Мороз же под тридцать!

Анна записывала каждое слово. — Они сели в ту машину?

— Нет. Подъехал фургон белый, старый, грязный. Женщина в свою иномарку села, а Анжелу двое мужчин под ру-

ки — и в фургон. Не силой. Она будто во сне шла. Фургон уехал, а тёмная машина — за ним. Как охрана.

Анна затаила дыхание: — Номер? Хоть букву?

— Не видела. Но сбоку надпись была... синяя. «Мед...» *Медтехника!* Точно. Синие облупившиеся буквы.

Анна подошла к окну. Подъезд Анжелы был виден идеально. Фонарь освещал всё — старушка действительно могла разглядеть детали.

Анна села за стол и начала составлять протокол опроса свидетеля.

Она попросила Клавдию Степановну прочитать и подписать протокол.

Потом она взяла подписанный протокол, тепло попрощалась со старушкой.

Клавдия Степановна на прощанье сунула ей завёрнутые пирожки и пригласила её заходить к ней на чай, когда будет у Ани время.

Аня ещё раз поблагодарила её за угощение и вышла из квартиры.

Клавдия Степановна, стоя в открытой двери, на прощанье, ещё раз громко пригласила Аню в гости на чай. Она так громко сказала последние свои слова, что соседка открыла дверь и спросила у неё, что случилось, что она стоит в дверях и так громко разговаривает. Увидев уходящую Аню, которая помахала Клавдии Степановне рукой, соседка всё поняла и обе одновременно зашли в свои квартиры.

Это была **первая реальная зацепка за десять лет**.

Анна вышла в подъезд, сердце билось быстрее. Она достала телефон:

— Товарищ полковник, у меня свидетель. Есть описание транспорта. Анжелу вывела женщина в светлой шубе. Соседка видела всё. Видимость идеальная.

— Хорошо, Анна. Обойдите всех по списку. Потом доложите подробно.

— Есть.

Дальнейший обход.

Анна стучала в двери, представлялась, задавала вопросы.

- **Кв. 12** — старик в тельняшке: «Не видел никого».

- **Кв. 27** — молодая мать: «Я тут недавно».

- **Кв. 56** — мужчина в халате: «У меня камеры. Но записи — платно».

Из 18 квартир, где жили старожилы, никто ничего не видел.

Анна поднималась этаж за этажом, методично, без пропусков. Работа была монотонной, но она держала ритм.

Продолжение поквартирного обхода

...кто-то был в отпуске, кто-то на работе, кто-то просто не помнил.

Квартира 77.

Никто не открыл. Анна постучала ещё раз — тишина.

Соседка выглянула из-за двери:

— Она в командировке. Вернётся завтра.

— Откуда знаете? — уточнила Анна.

— Она меня попросила цветы поливать. Сказала, когда вернётся.

Анна поблагодарила.

Квартира 85.

Дверь не открыли. Анна постучала ещё раз — безрезультатно.

Соседка приоткрыла дверь:

— Их нет. Они давно к дочери уехали на машине. Там живёт сейчас их племянница, — добавила соседка.

Анна записала.

Тогда она ещё не знала, что эта семья погибла в ДТП. Узнает позже — и поймёт, что круг свидетелей сжимается быстрее, чем она успевает.

Обычный спальный район. Типовая панельная многоэтажка, где жила похищенная Анжела Кравченко. Анна Кононова поднимается по лестнице. В руках — планшет с ориентировками.

Аня уже обошла в соседнем доме пять квартир на лестничной клетке. Результат был нулевым: никто не видел, как увозили Анжелу. Но было кое-что, что настораживало её гораздо сильнее, чем коллективная амнезия.

Квартира №47.

Дверь открыла молодая женщина с младенцем на руках.

— Понимаете, — Аня в сотый раз показала фото Анжелы, — её увезли прямо со двора. Машина могла стоять здесь

долго. Вы точно ничего не заметили в тот вечер?

Женщина едва взглянула на снимок и покачала головой:

— Нет, милая, не видела. Я в это время дочку купала. Нам не до улицы было.

Она улыбнулась — и взгляд Ани упал на детскую соску с золотистым логотипом клиники «Благодетель».

— Вы тоже там рожали? — спросила Аня, зацепившись взглядом за эмблему.

— Да! — лицо женщины засветилось. — Если бы не Аркадий Борисович и фонд «Новая жизнь», я бы никогда не прижала к себе это чудо. Мы с мужем — простые рабочие, нам такие хоромы и мечтать не стоило. А фонд всё оплатил. Полностью! Сказали: «Мы помогаем тем, кто...»

Она запнулась, но быстро улыбнулась снова — слишком быстро.

Аня поняла: **такие люди не увидят чёрную машину, увозящую их соседку. А если и увидят — промолчат. Потому что святых не предают.**

Тень сомнения.

Аня уже собиралась уходить, когда дверь последней квартиры — обшарпанная, с сорванным номером — приоткрылась. На пороге стояла худая, бледная женщина. В её глазах застыл не просто страх — застарелый, выматывающий ужас.

— Вы из полиции? — шёпотом спросила она, озираясь на соседские двери.

— Старший лейтенант Кононова, — Аня тоже понизила

голос. — Вы что-то видели?

Женщина, Марина, затянула Аню в тёмную прихожую и закрыла дверь на все замки. Из комнаты доносился надсадный, сухой кашель ребёнка.

— Я не должна говорить... они помогли мне. Если бы не фонд, Димка бы не выжил, — зашептала Марина, ломая пальцы. — Но я видела ту машину. Фургон. Он стоял под аркой почти час. А потом... потом они вывели Анжелу.

— Она сопротивлялась? — Аня быстро достала блокнот.

— Нет. В том-то и дело. Она шла как во сне. Но я не о машине хотела сказать...

Марина схватила Аню за рукав.

— Вы спрашивали о жалобах. Никто вам не скажет правду, потому что все боятся стать «неблагодарными». Но я знаю ещё одну женщину. Свету. Она жила в соседнем доме. Ей тоже «помогли». Но когда она вернулась из клиники, она всё плакала. Говорила, что там, в «Благодетеле», есть «тихий этаж», куда никого не пускают.

Марина сглотнула.

— А через неделю Света... — она запнулась, — Света выбросилась из окна. Сказали — послеродовая депрессия. Но я видела её лицо за день до этого. Это не депрессия была. Это был мозг, выжженный страхом.

Она подошла ближе, почти вплотную. Дыхание было прерывистым.

— Они дают нам детей, это правда. Но они забирают что-

то другое. Вы поищите в архивах не жалобы, — Марина горько усмехнулась, — жалобы они подтирают. Поищите статистику самоубийств среди тех, кто проходил через их «бесплатные» программы. Поищите «тихий этаж».

Аня вышла из подъезда, и тёплый вечерний воздух показался ей ледяным. Она посмотрела на залитый солнцем фасад клиники «Благодетель», видимый даже отсюда.

Теперь она знала: за белоснежными простынями скрывается не только благотворительность, но и **кладбище изломанных душ**, о которых никто не смеет говорить вслух.

Вечерний звонок Климову.

Когда обход был закончен, Анна вышла на улицу. Сумерки легли на двор, фонари зажглись. Дом №15 выглядел так же, как десять лет назад — только люди в нём стали другими.

Анна набрала Климова.

— Товарищ полковник, докладываю. Обошла всех по списку. Свидетель — квартира 42, Клавдия Степановна. В квартире 77 — женщина в командировке, будет завтра. Семья из 85-й давно уехала к дочери. Три семьи выбыли в другие регионы — адреса есть. Остальные ничего не видели.

На том конце провода Климов молчал несколько секунд.

— Хорошо, Анна. Возвращайтесь. Завтра продолжим.

Анна отключила телефон, посмотрела на тёмные окна дома. Солнце садилось, окрашивая стены в багровый. Где-то в глубине подъезда скрипнула дверь.

Она закрыла блокнот.

Она ещё не знала, что через неделю именно **квартира 77** станет ключом к разгадке. А пока — только цифры, имена и ощущение:

«Слишком много случайностей. Слишком много мёртвых. Кто-то очень не хотел, чтобы правду узнали».

Анна пошла к машине.

Слишком много людей, которые «уехали» или «замолчали». Кто-то очень тщательно зачищал это пространство десять лет назад, но просмотрел маленькую старушку, которая просто хотела испечь пироги к празднику.

«Медтехника», — крутилось в голове у Ани. — «Светлая шуба. Розовые тапочки».

Пазл начал складываться, и его края были острыми, как скальпель.

Глава 7. Саботаж десятилетней выдержки

Кабинет Климова был затянут сизым табачным дымом. На магнитной доске, среди старых фото Анжелы и семьи Савельевых, лейтенант Кононова закрепила новый набросок: белый фургон и тёмная иномарка.

Климов постучал ручкой по столу:

— Итак. Десятилетняя спячка закончилась. Аня совершила невозможное — нашла свидетеля похищения.

Аня открыла блокнот:

— Клавдия Степановна, квартира сорок вторая. Я лично проверила обзор из её окна — видимость идеальная. Фонарь освещал подъезд как театральную сцену. Двадцать восьмого декабря, десять лет назад, она видела тёмную иномарку и женщину в светлой шубе. Та зашла в подъезд, а через несколько минут вывела Анжелу. Она была в тонкой куртке и розовых тапочках на босу ногу.

— Значит, выходила в спешке или под давлением, — вставил Лукашов.

— В тридцать градусов мороза? — Серебров нахмурился. — Она была либо в шоке, либо под препаратами.

— Именно, — кивнула Аня. — Свидетельница говорит, что Анжела шла сама, но медленно, «словно во сне». Следом подъехал грязный белый фургон со стёртой синей над-

писью «Медтехника». Двое мужчин завели Анжелу внутрь, женщина села в свою машину, и они уехали караваном.

Климов взял старую папку дела и начал перелистывать протоколы.

— Знаете, что самое паршивое? Клавдию Степановну опрашивали. На третий день после исчезновения. Следователь Иванова написала: «Показания путанные, свидетель из-за плохого зрения ничего опознать не может. Значения для дела не имеют».

— Саботаж, — процедил Серебров. — Её просто «слили», чтобы фургон не всплыл в деле.

Аня горько усмехнулась:

— Старушка пыталась рассказать про фургон, иномарку и тапочки, а её записали в сумасшедшие. Саботаж в чистом виде. Видимо, папаша Савельевой уже тогда начал «сушить» дело.

— Именно так, — челюсти Климова сжались. — Мать Анжелы говорила, что следователей меняли как перчатки. Моя задача — найти всех троих. Иванову, которая «ослепла». Следователя, который начал копать и был отстранён. И того подонка, который подsunул фото чужого трупа, чтобы закрыть дело. Нам нужно знать, кто давал им приказы.

Новые вводные.

Климов начал раздавать команды:

— **Гречухину:** — Официальный запрос в ГАИ. Пробыть все списанные и действующие фуры «Медтехники» за тот

период. Поднять архивы камер на заправках и перекрёстках. Десять лет — срок огромный, но ищи зацепки в гаражных кооперативах ведомств. «Медтехника» — это нитка. Ищи всё: сервисы, где их обслуживали, ведомственные гаражи, частные стоянки.

— **Кононовой и Лукашову:** — Продолжить обход. Нужно найти того, кто видел маршрут каравана. Завтра — допрос женщины из семьдесят седьмой квартиры, которая вернулась из командировки.

— **Сереброву:** — Забудь про директрису «Берёзки» на время. Твоя цель — частные клиники и закрытые стационары в радиусе двухсот километров. Ищи связи с отцом Марины Савельевой. Ведомственные санатории, частные пансионаты... Если Анжелу «выключили» препаратами, её везли туда, где есть врачи, готовые молчать.

— **Себе:** — Найти всех троих следователей, которые прикасались к делу.

Аня подняла голову: — Троих?

— Именно. Первую — Иванову, которой мать Анжелы дала отвод за бездеятельность. Второго — парня, который начал копать и был отстранён. И третьего — того, кто подsunул фото чужой погибшей девушки и закрыл дело. Мне нужно знать, кто ими командовал.

Климов обвёл команду взглядом:

— Марина Савельева уверена, что мы ничего не найдём. Она уже строчит жалобы. Если мы не найдём фургон в бли-

жайшее время, на нас надавят сверху так, что кости затре-
щат.

Глава 8. Деньги — и их слуги.

Анатомия предательства

I. Следователь Иванова: Цена жизни

Климов нашёл её в пыльном ведомственном архиве — месте для тех, кого система списала, но не до конца переварила. Бывшая «звезда» следствия, капитан Иванова, теперь была лишь тенью в выцветшем жакете.

— Почему в протоколах нет белого фургона? — Климов ударил ладонью по столу, заставив её вздрогнуть. — Почему свидетельнице Клавдии Степановне просто заткнули рот?

Иванова всхлипнула — звук был полон накопленной годами горечи.

— Ты думаешь, это были деньги? Мой сын умирал в реанимации. Нужны были лекарства, которых не было в стране. «Добрые люди» из «Эскулапа» привезли их за час. Взамен попросили сущую мелочь — потерять пару листов из допроса... Я думала, девочка просто сбежала. А когда поняла, во что ввязалась, — было поздно. Если бы я заговорила, сын бы не выжил.

— Твой «отвод» был их подарком, — жёстко отрезал Климов. — Потому что после тебя дело попало к честному человеку. И его пришлось убирать уже другими методами. Завтра в 11:00 — на допрос.

2. Майор Волков: Неподкупный.

Андрей Петрович Волков, прихрамывающий пенсионер, принял Климова на веранде своего домика.

— Я за неделю сделал больше, чем Иванова за месяц, — глухо сказал он. — Нашёл нитку к поставкам медоборудования через клинику «Эскулап». Допросил водителя фугона — парень дрожал, хотел рассказать про «специфические грузы» из подвалов гостиницы.

Волков сжал кулаки:

— В ту же ночь меня вызвали «на ковёр». Сказали — переутомился. Дело изъяли, меня сослали в район, карьеру уничтожили. Водитель исчез. Записи стерли. Десять лет я ждал, когда кто-нибудь придёт и спросит об этом.

3. Следователь Золотов: Мастер «похорон».

Третьего следователя Климов нашёл в дорогом юридическом центре. Золотов, в костюме ценой в три зарплаты оперативника, фальшиво улыбнулся:

— Товарищ полковник, там всё было очевидно! Нашли тело, похожий рост, волосы... Зачем травмировать мать опознанием? Экспертиза подтвердила...

— Какая экспертиза, Золотов? — Климов наклонился к самому его лицу. — Та, что подписал патологоанатом, сразу уехавший за границу? Ты просто ткнул пальцем в снимки изуродованного трупа и убедил убитую горем мать, что это её дочь. Ты «похоронил» концы по команде. Надеюсь, гонорар от «Эскулапа» того стоил. Завтра в 10:00 жду в УВД.

4. Полковник Соколов: Архитектор стены.

Дачный посёлок «Сосновый бор» встретил Климова тишиной элитного покоя. Бывший начальник ОВД Виктор Со-

колов неспешно колол дрова.

— Не лови меня на словах, Коля, — Соколов отхлебнул минералки, выслушав претензии. — Была установка: не кошмарить инвесторов. Я систему сохранял. Город был на грани передела, а тут — всяк, который мог поднять волну против ключевых людей. Я сделал то, что должен был сделать руководитель.

— Вы сделали то, что выгодно заказчику, — отрезал Климов, кладя на стол повестку. — Вы знали про лекарства Ивановой. Вы знали, как ломали Волкова. Вы лично заколотили гроб в этом деле.

— Ты не понимаешь, во что лезешь! — крикнул Соколов вслед уходящему полковнику. — Ты не со мной воюешь, ты с бетонной стеной бодаешься!

— Значит, пора проверить эту стену на прочность, — не оборачиваясь, ответил Климов.

Когда калитка закрылась, Соколов дрожащими руками схватил телефон. Он знал: когда такая ищейка, как Климов, берёт след, тихая пенсия превращается в ожидание приговора.

Глава 9. Анатомия предательства. Дело престижа

10:00. Допрос Ивановой М. П. Цена жизни.

Допросная №3 встретила Марину Петровну холодом серых стен. Бывший следователь, а ныне архивариус, она сидела на месте «объекта», и свет лампы беспощадно высвечивал её морщины.

Он посмотрел в объектив:

— Десять часов ноль ноль минут. Допросная комната номер два. Следователь по особо важным делам Главного следственного управления МВД России, полковник Климов. Видеофиксация включена.

Повернулся к Ивановой:

— Предупреждаю: допрос ведётся с видеозаписью. Вы имеете право не свидетельствовать против себя и своих близких. Понятно?

— Да... понятно.

Он записал все данные в протокол.

— Бумага не краснеет, Марина Петровна, — тихо начал Климов. — Но она помнит, как из дела исчезла запись о белом фургоне и как вы подшили протокол опознания тела, которое было на голову ниже Анжелы.

Иванова вздрогнула. Пальцы побелели, сжимая стаканчик с водой.

— Это было другое время... Давление сверху...

— Или квота на операцию для вашего сына в «Эскулапе»?

— Климов наклонился. — Ту самую, которую оплатили через неделю после закрытия дела.

Иванова закрыла глаза. По щеке скатилась слеза.

— Ему было пять лет. Он перестал дышать в одну ночь. А в «Эскулапе» сказали: «Поможем. Но у полковника Соколова есть просьба по текущему висяку». Соколов прислал человека с готовыми показаниями. Я знала, что в морге не Ангела. Но я смотрела на сына в реанимации и... я бы подписала приговор половине города.

Она замолчала, затем добавила тише:

— Соколов сказал, что её «утилизировали» как биоотход. Но я слышала разговор... Фургон принадлежал их логистике. Её не убили сразу. Она была нужна им живой. Из-за ребёнка.

11:00. Допрос Золотова А. И. Цена «ошибки».

Золотов вошёл вальяжно, но Климов сразу выставил перед ним видеокамеру. Он посмотрел в объектив:

— Десять часов ноль ноль минут. Допросная комната номер два. Следователь по особо важным делам Главного следственного управления МВД России, полковник Климов. Видеофиксация включена.

Повернулся к Золотову.

— Предупреждаю: допрос ведётся с видеозаписью. Вы имеете право не свидетельствовать против себя и своих

близких. Понятно?

— Да... понятно.

Он записал все данные в протокол.

— Золотов, вы закрыли дело через неделю после того, как подложили фото «левого» трупа. И в тот же день уволились, перейдя в структуру Соколова.

— Обычная ошибка, — Золотов пытался смотреть в сторону. — Эксперт сказал... Я решил не травмировать мать.

— Не лги мне! — Климов ударил ладонью по столу. — Соколов — пенсионер, он тебя не прикроет. За эту «статистику» ты получил квартиру и место в ЧОПе. Пиши всё: как фальсифицировал протоколы и кто из окружения Соколова курировал клинику.

Золотов медленно потянулся к ручке. Самоуверенность осыпалась с него, как сухая штукатурка.

12:00. Допрос бывшего начальника полиции Соколова В. С.

Соколов вошёл в идеальном сером костюме. Взгляд — властный, тяжёлый. Он не сел — он занял пространство.

Климов посмотрел в объектив:

— Десять часов ноль ноль минут. Допросная комната номер два. Следователь по особо важным делам Главного следственного управления МВД России, полковник Климов. Видеофиксация включена.

Повернулся к Соколову:

— Предупреждаю: допрос ведётся с видеозаписью. Вы

имеете право не свидетельствовать против себя и своих близких. Понятно?

— Да... понятно.

Он записал все данные в протокол.

— К чему официоз, Николай? Могли бы в ресторане обсудить, — усмехнулся бывший начальник ОВД.

— В ресторане показания под протокол не дают, — отрезал Климов. — Золотов и Иванова только что признались: дело Кравченко топили по вашему личному приказу.

Соколов медленно протёр очки шёлковым платком.

— Золотов — неудачник. Пытается выторговать срок. А я просто помогаю бывшим сотрудникам с работой. Это солидарность, а не преступление.

— Солидарность в сокрытии похищения? — Климов выложил козырь. — Иванова под протокол заявила: вы лично курировали «просьбу» от клиники. И вы же сказали ей, что Анжелу «утилизировали».

Соколов замер. Рука едва заметно дрогнула.

— Ты лезешь не в своё дело, Климов. Полковники в отставке имеют больше связей, чем действующие генералы.

— Посмотрим, — Климов нажал кнопку остановки записи. — У нас восемь «глухарей» по девушкам за годы вашего правления. И везде ваш почерк. Сегодня вы — свидетель. Но город покидать не имеете права. Охрана проводит вас.

Когда дверь за Соколовым закрылась, Климов выдохнул. Хищник был напуган. А напуганный хищник — самый опас-

ный, но и самый предсказуемый.

Дело престижа. Первый звонок Зацепину.

В 16:30 Климов набрал Зацепина.

— Александрыч, докладываю. Нашли свидетеля. Есть описание транспорта: белый фургон «Медтехника» и дорогая иномарка. Отрабатываем маршрут.

— Что по местным властям? — голос Зацепина был тяжёлым.

— Конфликтов нет, ресурс дают. Думаю завтра посетить мэра и прокурора. К кому первому?

— К прокурору, Коля, — без раздумий ответил полковник. — Обозначь законность. Мэр — фигура политическая, он будет считать выгоды. А прокурор поймёт язык фактов. Если он нас поддержит, мэру деваться будет некуда.

Зацепин помолчал, затем добавил:

— Николай, ты же понимаешь, что это не просто «глухарь»? Для главка это теперь — дело престижа. Наверху смотрят пристально. Нам не простят, если мы дадим Савельевым вывернуться.

— Я всё понимаю, Александрыч. Ребята землю роют.

— Верю. Но результат нужен вчера. Береги ребят, Николай. Лишнего риска не допускай, но и темп не сбавляй. Докладывай о каждом шаге.

Климов закрыл телефон. Слово «престиж» означало одно: **за их спинами захлопнулись все двери**. Либо они вытащат правду на свет, либо это дело станет последним в их

карьерے.

Глава 10. Звонок Климова Людмиле Сергеевне

Климов вышел на крыльцо участка, прикрыл за собой тяжёлую дверь и на секунду задержал дыхание. Вечер был холодным, воздух пах сыростью и далёким дымом. Он достал телефон, посмотрел на экран — и только тогда позволил себе нажать кнопку вызова.

Гудки тянулись долго, будто проверяя, действительно ли он хочет говорить. И когда наконец раздался её голос — мягкий, спокойный, узнаваемый — напряжение дня чуть отпустило.

— Да, я слушаю, — сказала Людмила Сергеевна.

— Это я, — тихо ответил он. — Устроились. Работы... как всегда много.

Он услышал её улыбку — даже через телефон.

— Ты всегда так говоришь, но в этот раз что не так?

Климов посмотрел на тёмную улицу, на редкие огни машин, на окна участка, где продолжали работать его люди.

— Начало есть, — сказал он. — Но... всё ещё в тумане.

Пауза. Та самая, в которой она умела слышать больше, чем он говорил.

— Ты устал, — сказала она. — И напряжён. Это слышно.

— Работа такая, — отозвался он, но без привычной жёсткости.

— Работа работой, — мягко возразила она. — Но ты же знаешь: туман рассеивается не силой, а вниманием и терпением. И тем, что ты умеешь лучше всех — видеть то, что другие пропускают.

Он усмехнулся — коротко, почти беззвучно.

— Ты всегда так говоришь, будто читаешь меня.

— Я не читаю, — ответила она. — Я просто рядом.

Эти слова ударили сильнее, чем он ожидал. Он вдруг понял, как давно не слышал ничего подобного.

— Спасибо, — сказал он. — Просто... хотел услышать тебя.

— И я тебя, — тихо ответила она. — Береги себя и не лезь в туман один.

Он кивнул, хотя она не могла этого видеть.

— Постараюсь.

— Я знаю, что ты не умеешь «постараться». Но хотя бы попробуй.

Он отключил звонок, ещё несколько секунд держал телефон в руке, будто не хотел отпускать её голос. Потом глубоко вдохнул, спрятал телефон в карман и вернулся в здание.

Туман действительно начинал рассеиваться. Хотя бы внутри него самого.

Глава 11. Власть и Закон:

Двойные стандарты

Визит первый: Территория Закона.

Прокуратура встретила Климова аскетичной тишиной и запахом крепкого кофе. Прокурор города, Сергей Васильевич Гордеев, принял его ровно в десять. Человек с военной выправкой и взглядом, который видел собеседника насквозь.

— Присаживайтесь, Николай Сергеевич. Знаю, зачем вы здесь. Дело Кравченко. Десять лет тишины — и вдруг такой шторм. Почему сейчас?

Климов положил на стол папку:

— Мы нашли свидетелей, которых следствие раньше не замечало. Есть веские основания полагать, что дело намеренно топили.

Гордеев быстро просмотрел показания Клавдии Степановны и хмуро поднял глаза:

— Вы понимаете, что поднимаете пласт, который затронет «неприкасаемых»? Включая тех, кто курирует местный бизнес.

— Мы ищем не «уважаемых людей», а убийц, — отрезал Климов. — Мне нужна ваша поддержка. Если начнётся давление сверху, я должен знать, что прокуратура стоит на стороне закона, а не местных кошельков.

Гордеев долго молчал, постукивая ручкой по столу.

— Если ваши доказательства будут железными, Николай Сергеевич, я подпишу любые санкции. Но предупреждаю: если устроите «охоту на ведьм» без оснований — я первый подпишу приказ о вашем отзыве.

— Справедливо, — Климов поднялся.

На прощание Гордеев крепко пожал ему руку:

— Ищите девочку. Если она жива — это чудо. Если нет — дайте матери хотя бы возможность её похоронить.

Визит второй: Мэрия и «Стабильность».

Здание мэрии разительно отличалось от прокуратуры: мрамор, ковры, ослепительные улыбки секретарш.

Мэр города, Виктор Черепанов, встретил Климова, не вставая из-за массивного дубового стола. В голосе сквозила обида: новости о визите к прокурору долетели сюда раньше самого полковника.

— А, полковник Климов. Рад, что нашли дорогу. Я уж думал, администрация в этом городе — лишнее звено.

— Порядок действий продиктован спецификой, — спокойно ответил Климов. — К вам я пришёл за содействием.

Черепанов прищурился: — Ресурсы... Поймите, полковник, это старое дело — как спящий вулкан. Город только успокоился, пошли инвестиции, туризм. А вы сейчас начнёте трясти грязное бельё, пугать бизнесменов обысками. Кому это выгодно?

— Это выгодно семье погибшей, — Климов посмотрел ему прямо в глаза. — Анжела Кравченко была гражданкой

вашего города. И если здесь безнаказанно похищают людей, никакой туризм не спасёт репутацию Берёзовска.

Мэр тяжело вздохнул, покрутил в руках золотую ручку.

— Хорошо. Я дам команду замам. Архивы, коммунальные службы — всё в вашем распоряжении. Но учтите: я за стабильность отвечаю головой. Если ваши поиски превратятся в шоу для прессы, нам будет трудно сотрудничать.

— Мы здесь для работы, а не для интервью, — отрезал Климов.

Прощаясь, мэр добавил тише, почти по-человечески:

— Мать Анжелы мне все пороги оббила в первый год. Тяжело это... Если действительно найдёте правду — я первым скажу спасибо. Но если это просто имитация деятельности... город вам этого не простит.

Тень подозрений.

Выйдя на площадь, Климов закурил. Он чувствовал, как за его спиной смыкается кольцо интересов.

Прокурор дал добро на закон. Мэр — на архивы.

Теперь у Климова были развязаны руки. Но он понимал: **как только следствие подберётся к «Белому фургону» и клинике «Благодетель», эта официальная поддержка может превратиться в смертельную ловушку.**

ЧАСТЬ II — Клиника на пике славы

Глава 12. Фасад благополучия

Утро в клинике начиналось одинаково — запах свежего кофе, мягкий свет в холле, приглушённый шёпот медсестёр, будто они боялись нарушить хрупкую гармонию этого места.

Солнечные лучи пробивались сквозь панорамные окна, рассыпаясь бликами по полированному мрамору. Всё здесь дышало покоем, уверенностью, почти благоговением перед чудом новой жизни.

Стеклянные двери открывались бесшумно и вестибюль «Благодетеля» встречал посетителей так, как встречают дорогих гостей: тёплым воздухом, улыбками и ощущением, что здесь безопасно, правильно, почти свято.

На стойке регистрации живые цветы в хрустальных вазах. На столиках журналы о материнстве. В углу уютный уголок с мягким диваном и тихим журчанием мини-фонтана.

На стенах фотографии счастливых матерей с младенцами, благодарственные письма, грамоты за участие в благотворительных программах. Каждая рамка — штрих к образу идеального учреждения.

На стене висела большая табличка:

«Благотворительный фонд „Новая жизнь“ — партнёр клиники „Благодетель“».

Посетители видели только это красивое название, логотип в виде ладоней, поддерживающих младенца, и фотографии счастливых матерей, получивших «бесплатную помощь».

В центре холла большой экран. Слайд-шоу: новорождённые, улыбающиеся врачи, матери с младенцами. Подписи:

«Спасено 3 217 жизней», «1 543 семьи получили поддержку»

«Мы верим: каждая жизнь — бесценна»

Благотворительность, которой гордятся

Раз в неделю в холле ставили высокий стол с белоснежной скатертью. На нём — буклеты:

- «Программа поддержки семей»;
- «Бесплатные консультации для беременных»;
- «Помощь женщинам в трудной жизненной ситуации».

Рядом — образцы детских вещей, подаренных благотворителями: вязаные шапочки, комбинезоны, мягкие игрушки.

Фотографы любили эти дни.

Хозяин храма.

Главврач — высокий, уверенный, с мягкой улыбкой выходил к журналистам и говорил правильные слова:

— Мы не просто лечим, — произносил Аркадий Борисович Вольский, слегка приподнимая ладонь. — Мы создаём

условия, чтобы каждая женщина чувствовала: она не одна. Чтобы каждая мать знала: её ребёнок — чудо, которое мы оберегаем.

ОН умел работать на камеру лучше любого актёра. Камеры ловили его профиль в солнечном луче. Журналисты кивали, записывали, улыбались.

Журналист (поправляя очки, с лёгким сомнением в голосе): — Аркадий Борисович, мой вопрос может показаться неуместным на фоне этих прекрасных палат, белоснежного белья и новейшего оборудования. Но всё же: неужели за всё время работы не было жалоб от пациентов? И если были — как вы их решали? Я уже не говорю о жалобах в вышестоящие инстанции... скажем, в прокуратуру.

(В конференц-зале повисла секундная тишина. Журналисты переглянулись. Вольский мягко улыбнулся — улыбкой человека, который ожидал этот вопрос и давно подготовил ответ.)

Главврач Вольский: — Напротив, ваш вопрос очень уместен. Мы работаем в сфере медицины, а здесь не бывает абсолютного штиля. Жалобы? Конечно, они бывают. Но знаете, какого рода?

(Он сделал короткую паузу, обводя зал взглядом.)

— В основном это жалобы на то, что мы не можем принять всех желающих. Наша очередь расписана на месяцы вперёд. Что касается юридической стороны... — он едва заметно пожал плечами. — Клиника «Благодетель» работает в

правовом поле, которое прозрачнее этого стекла. Проверки? Мы их приветствуем. Прокуратура, Минздрав, Роспотребнадзор — они наши частые гости. И каждый их визит лишь подтверждает: наши стандарты выше государственных.

(Он наклонился чуть вперёд, голос стал доверительным.)

— Понимаете, когда вы возвращаете людям надежду, всегда найдутся те, кто ищет в этом подвох. Мы решаем вопросы открыто: любая жалоба рассматривается врачебной комиссией в течение 24 часов. Нам нечего скрывать под этими «белоснежными халатами», кроме искреннего желания помочь.

Журналист (не отступая, с едва заметной ироничной улыбкой): — И всё-таки, Аркадий Викторович, если можно — чуть подробнее. Вы упомянули, что приветствуете проверки Минздрава и Роспотребнадзора. Могли бы привести конкретные примеры последних инспекций и их результаты? Уверен, ваш честный ответ несколько не навредит имиджу клиники. Напротив — послужит лучшей рекламой и только укрепит доверие людей к «Благодетелю».

(Вольский слегка склонил голову набок, словно оценивая смелость собеседника. По залу пронёсся шёпот, но главврач сохранял ледяное спокойствие.)

Главврач Вольский: — Вы чертовски проницательны. Реклама правдой — самая дорогая, и я с удовольствием её продемонстрирую. Прошлым летом у нас работала комплексная комиссия Минздрава. Больше двух недель эксперты изучали

всё: от состава дезинфицирующих растворов до протоколов ведения сложнейших родов. Знаете, каков был итог?

(Он сделал эффектную паузу и слегка развёл руками.)

— На итоговом совещании председатель комиссии сказал фразу, которую я запомнил на всю жизнь: *«Коллеги, нам нечего вам советовать, нам нужно у вас учиться»*. В акте проверки — ни одного замечания по существу. Только рекомендации по масштабированию нашего опыта на государственные перинатальные центры.

(Он открыл папку на трибуне и вынул лист с гербовой печатью.)

— А что касается Роспотребнадзора — мы получили статус *«Объект безупречного санитарного контроля»*. Это высшая категория безопасности в стране. Мы не просто проходим проверки — мы задаём планку, до которой остальным ещё расти и расти. Так что, если это реклама — пусть она будет такой. Мы гордимся своей прозрачностью.

Вспышки фотокамер ловили его профиль, подсвеченный солнечным светом. Журналисты кивали, замороженные этой тщательно выстроенной магией.

Никто не спрашивал:

- куда ведут узкие коридоры за служебными дверями,
- почему в подвале всегда тихо,
- почему по ночам в окнах моргает синий свет мониторов.

*почему служебные лифты уходят глубоко под землю.

Богатые роженицы: мир за закрытыми дверями.

На втором этаже, в VIP-крыле, царила другая атмосфера: тишина, мягкие ковры, палаты уровня премиум-класса.

Пахло не лекарствами, а дорогими кремами и свежими цветами.

В каждой палате:

- плазменный телевизор, мини-бар с фруктовыми водами;
- индивидуальный пост медсестры, люлька с плюшевым

медведем

картина с умиротворяющим пейзажем.

Коридоры, застеленные коврами, поглощали звуки шагов. Палаты напоминали номера пятизвездочных отелей: дизайнерская мебель, персональные кофемашины, шелковое постельное белье.

Здесь рожали жены политиков, бизнесменов и звёзд.

В углах комнат стояли люльки из слоновой кости. В этом мире не было места крикам или страху — только классическая музыка для релаксации и безупречный сервис.

Женщины в шёлковых халатах обсуждали дизайнерские коляски и будущие имена. Медсёстры обращались к ним по имени-отчеству. Врачи — с подчеркнутым уважением.

Здесь не было тревоги. Не было запаха антисептиков. Только шёпот кондиционеров и запах свежего эспрессо.

Пресса: спектакль безупречности.

Журналисты приезжали часто. Им показывали светлые палаты, улыбающихся врачей, рассказывали истории «спасённых» женщин.

Однажды снимали репортаж для федерального канала. Оператор медленно проходил по коридору, снимая идеальные стены, идеальные улыбки, идеальные слова.

— «Благодетель» — пример того, как должна работать современная медицина, — произносила ведущая.

Камера задержалась на молодой матери с младенцем.

— Я пришла сюда без денег, без поддержки... — начала она.

— ...А теперь у меня есть всё: здоровье, ребёнок и надежда. Спасибо вам, доктор Вольский.

Аркадий Борисович чуть склонил голову — не как человек, принимающий похвалу, а как священник, принимающий благодарность за чудо.

И никто не заметил, как за её спиной медсестра быстро закрыла дверь в служебный коридор — туда, куда журналистов никогда не водили.

История, которая потрясла город: спасение жены знаменитости.

Одним из самых громких событий стал случай с женой известного бизнесмена — **Еленой Морозовой**. Она поступила в клинику на тридцать второй неделе беременности с тяжёлой преэклампсией. Ситуация была критической: давление зашкаливало, почки отказывали, врачи говорили о необходимости экстренного родоразрешения — с высоким риском для ребёнка.

Но Вольский взял случай под личный контроль.

Он собрал консилиум, настоял на консервативной терапии, лично дежурил у постели пациентки.

— Мы сделаем всё, чтобы спасти обоих, — сказал он журналистам. — Это не просто пациентка. Это мать и её ребёнок имеет право на жизнь. Через три недели Елена родила здорового мальчика.

Роды проходили под пристальным вниманием прессы: камеры снимали, как Вольский вышел из операционной — усталый, но торжествующий — с младенцем на руках.

— Это победа, — произнёс он. — Победа медицины, веры и любви.

Фоторепортёры ловили каждый момент: улыбку Елены, слёзы счастья, рукопожатие с мужем, который тут же объявил о пожертвовании **10 миллионов рублей** на развитие клиники.

Этот эпизод стал визитной карточкой «Благодетеля». Его показывали в новостях, обсуждали в соцсетях, вспоминали на благотворительных вечерах. Вольский получил грамоту от мэра, а клиника — ещё больше доверия.

Идеальная репутация: зеркало без трещин.

В городе говорили: — Если хочешь, чтобы всё прошло хорошо — иди в «Благодетель». Там помогают всем. Там работают лучшие врачи.

Репутация клиники была безупречной — как белый халат, только что вынутый из упаковки. Ни одного скандала, ни одной жалобы, ни одного тёмного пятна.

Слишком идеально — но тогда этого никто не замечал.

Только иногда, в глубине служебных коридоров, слышался глухой стук дверей, а в подвальных окнах мерцал синий свет — будто кто-то там, внизу, вёл свою, невидимую миру работу.

Иногда, в самые глухие часы ночи, когда пресса спала, а город затихал, к служебному входу со стороны пустыря бесшумно подкатывал белый фургон. Охранник коротко кивал водителю, и машина скрывалась в недрах подземного паркинга. Но об этом не писали в глянцевах журналов. Этого не было в отчетах благотворительного фонда.

Правда жила за закрытыми дверями, куда не водили даже самых лояльных репортеров. Там, где милосердие превращалось в технологию, а «бесценные жизни» обретали свою вполне конкретную, рыночную цену.

Но это было **за пределами глянцевай картинки**. За пределами камеры. За пределами правды.

Глава 13. Ритм жизни «Благодетеля».

Два мира — один механизм

Раннее утро. Над городом ещё висит лёгкая дымка, а у приёмного покоя «Благодетеля» уже царит деловая суeta.

К широким ступеням подъезжает скорая — белая, с голубыми полосами и мерцающей мигалкой. Двери распахиваются, и на порог выносят каталку.

— Третья степень риска, тридцать шесть недель, кровотечение, — коротко бросает фельдшер медсестре у стойки.

— Второй блок, палата двенадцать. Хирург на месте?

— Уже в операционной, — отвечает врач скорой.

Приём и «фильтрация».

Холл приёмного отделения — стерильная чистота, приглушённый свет, тихая фортепианная музыка. Но за этой умиротворяющей картинкой — чёткий алгоритм.

1. Первичный осмотр.

- давление, пульс, КТГ,
- короткие вопросы: осложнения, страховка, сопровождающие.

2. Распределение.

- критическое состояние — реанимация или операционная;
- риски — наблюдательный блок;
- платёжеспособные — VIP-крыло;

- без денег — социальное отделение.

3. Оформление.

- бумаги, согласия, договоры;
- VIP — отдельная комната с менеджером;
- социальные — стол у окна, очередь из уставших женщин.

Обход: два мира под одной крышей.

VIP-крыло, 3-й этаж.

Пахнет лавандой и свежим кофе. Шёлковые халаты, дизайнерские коляски, мягкие голоса.

Доктор Вольский идёт в сопровождении ассистентов.

— Доброе утро, Анна Игоревна. Как самочувствие?

— Лучше, спасибо. Только живот тянет...

— Это нормально. Малыш шевелится? Отлично. В 14:00 сделаем

УЗИ.

Ассистент записывает. Медсестра подаёт воду с лимоном.

В соседней палате — молодая актриса, боящаяся набрать вес.

— Вы прекрасны, — говорит Вольский. — Ваше тело творит чудо.

Она расслабляется.

Социальное отделение, 1-й этаж.

Пахнет антисептиком и дешёвым мылом. Палаты тесные, кровати вплотную.

Вольский заходит без стука. — Ну что, девочки, как дела?

Марина поднимает глаза: — Доктор, у меня опять живот болит...

— Покажем на УЗИ. Анализы вчера сдавали?

— Да... но мне не сказали...

— Сейчас уточним.

Ассистент записывает: «УЗИ».

Другая женщина: — У меня спина болит...

— Массаж. Сегодня сделаем.

Третья, Татьяна, робко: — Можно к психологу? Я боюсь...

Вольский замирает на секунду. — Конечно.

Но в планшете ассистента — короткое: **«Тревога. Отложить».**

Невидимая стена.

Охрана клиники была её самой тихой и опасной частью. Вежливые люди у входа больше напоминали администраторов, но за их спинами работала система тотального контроля:

— **Зона 1 (Холл):** Открытые камеры для прессы.

— **Зона 2 (Лаборатории):** Закрытый контур, доступ по биометрии.

— **Зона 3 (Подвал):** Без видеокамер. Только аудиодатчики и глухие двери.

Руководил всем Валерий Бориславский — человек с прошлым в спецслужбах и тяжёлым взглядом. Его люди в штатском не улыбались. Их задачей было «убеждать» недовольных и контролировать доставку «специфических грузов»,

которые по ночам привозили машины без номеров.

Кадры и цена молчания.

Костяк клиники не менялся годами. Эти люди работали с Вольским с самого основания, держались особняком и никогда не обсуждали работу вне стен «Благодетеля».

В кафетерии для персонала шёпотом обсуждали лаборанта, который неосторожно спросил, почему в подвале нет камер. На следующий день его место было пусто. Официально — «переведен в филиал». На деле — его фамилия просто исчезла из графиков.

В кабинете Вольского на столе лежала папка «Кадры». В ней напротив фамилий стояли пометки: *«Проверен. Лоялен»* или *«Под наблюдением»*.

Город знал «Благодетель» как святыню. Богатые получали здесь роскошь, бедные — шанс на спасение. И никто не замечал, что обе эти группы были лишь топливом для машины, которой руководил Аркадий Вольский. Система работала безупречно, пока в её шестерёнки не попала история Анжелы Кравченко.

Молва: как рождается легенда.

Через неделю Марина рассказывает соседке у подъезда: — В «Благодетеле» меня как родную приняли! Доктор сам ко мне приходил, всё объяснял.

Татьяна, сидящая рядом, вздыхает:

— Мне массаж сделали, а про психолога забыли...

Но её слова тонут в общем гуле:

— Моя сестра там рожала — палата как в отеле! — А я слышала, они бесплатно помогают, если денег нет.

— Вольский... он как ангел, правда?

Так, по крупицам, складывается образ клиники:

- Для богатых — роскошь, внимание, персонализированный уход.

- Для бедных — помощь, которой «и так достаточно».

И никто не замечает, что за этими двумя картинками скрыт один и тот же механизм — гладкий, безотказный, где улыбки и слова — лишь шестерёнки огромной машины под названием «Благодетель».

Механизмы «Благодетеля»: за кулисами милосердия

Финансирование: паутина денег.

В просторном конференц-зале на пятом этаже — стол из тёмного дерева, панорамное окно с видом на город. За столом — трое: Аркадий Борисович Вольский, финансовый директор Клименко и представитель попечительского совета в дорогом костюме.

Клименко раскладывает графики:

— Средства поступают по четырём каналам.

Первый — целевые пожертвования от частных лиц: **127 млн рублей за год.**

Второй — корпоративные спонсоры: фармкомпании, девелоперы — получают льготы и пиар.

Третий — гранты фондов поддержки материнства. Четвёртый — платные услуги VIP-пациентам.

Вольский кивает: — Подчеркните в отчёте: **68% средств идут на «социальные программы»**. Остальное — на инфраструктуру.

Откуда деньги на благотворительность?

- **Фонд «Новая жизнь»** — официальный оператор, отчёты, красивые истории.
- **Анонимные доноры** — через офшоры, в документах — коды вместо имён.
- **Фармацевтические партнёры** — оплачивают «исследовательские программы» (анализ биоматериалов).

Кто спонсор?

- **«Фарм Альянс»** — крупнейший вкладчик. Взамен — доступ к данным о генетических аномалиях.
- **Холдинг «Вершина»** — финансирует расширение клиники. Логотип — в лобби.
- **Частные меценаты** — бизнесмены, чьи жёны рожали в VIP-крыле.

Квоты на бесплатные роды: как это устроено.

В кабинете заведующей социальным отделением Людмилы Ивановны Грековой — большая таблица с цветными маркерами. Это реестр квот на текущий квартал.

— Квоты выделяются по трём направлениям, — объясняет она женщине с потрёпанной папкой.

— Федеральные, региональные и благотворительные.

«Резервные» квоты.

Часть мест заранее отводится для «особых случаев»: родственники спонсоров, VIP-пациенты в кризисе.

Как получить квоту?

— Сбор документов: доходы, ЖК, соцзащита, комиссия

— **три недели ожидания.**, Решение — письмо с номером квоты.

Ограничения.

• Квот — **47 мест в месяц**, Приоритет — экстренные случаи.

• «Обычные» малоимущие часто получают отказ: *«Средства исчерпаны»*.

Когда «бесплатно» становится платным.

Если квоты закончились:

• **35 000 руб.** — роды под наблюдением дежурного врача, палата на 4 человека.

• **50 000 руб.** — индивидуальный акушер, отдельная пред-родовая.

Не входит:

• VIP-услуги (массаж, психолог), дорогие препараты.

• Досрочная выписка — **5 000 руб./сутки**.

Дополнительные услуги:

• VIP-сервис — от **15 000 руб.**, дорогие препараты — по прайсу.

Примеры отказов.

• Женщина без прописки: *«Мы не можем гарантировать*

качество услуг».

- Беременная с ВИЧ: *«Требуется специализированный центр»*.
- Мать-одиночка без справок: *«Недостаточно оснований»*.

Хватает ли квот? Статистика и реальность.

На сайте клиники гордо заявляют: **«92% рожениц получают помощь бесплатно»**.

Но: из 200 заявок в квартал квоты получают **120—150**.

- Остальные: — 30 — отказ, — 50 — отправлены на платный приём.

Почему не хватает?

- Резерв для «особых случаев», задержки комиссий.
- «Технические» отказы: *«Неполный пакет документов»*.

Жалобы: тихие голоса за закрытыми дверями.

Формальные жалобы.

В книге отзывов — пара записей: *«Долго ждали ответа», «Не хватило мест»*.

Ответы — шаблонные.

Неформальные истории.

— **Светлана К.** «Я ждала квоту 4 месяца. Когда одобрили — срок был 38 недель. Сказали: «Слишком поздно».

— **Семья Петровых** «Социальный тариф — 35 тысяч. В день госпитализации потребовали ещё 10. Уехали в районную больницу».

— **Анонимное письмо в прокуратуру** «Сестру не при-

няли по квоте — „слишком нервная“. Через неделю родила дома. Ребёнок погиб».

Как клиника реагирует на жалобы.

- Вольский и Бориславский лично встречаются с недовольными: обещают «разобраться», предлагают альтернативы, намекают на «конфиденциальность».
- Служба безопасности проверяет заявителей: — ищут компромат, предлагают «компенсацию» за молчание.

Молчаливый компромисс.

В коридоре социального отделения женщина в дешёвом пальто спрашивает медсестру:

— А если я не смогу заплатить... меня выгонят?

Медсестра опускает глаза:

— Мы стараемся помочь всем. Но... вы же понимаете.

Женщина кивает. Она уже всё поняла.

Так, за фасадом благотворительности, работает система, где милосердие измеряется квотами, а право на помощь зависит от того, насколько громко ты можешь кричать — или насколько тихо умеешь молчать.

Кадры.

Кадровая политика «Благодетеля» была такой же безупречной, как и его витрина. На вопрос о расширении штата главный врач всегда отвечал одинаково:

— На данном этапе необходимости нет. У нас работают высококвалифицированные специалисты на новейшем оборудовании.

И действительно — **старый костяк** почти не менялся. Те, кто пришёл в клинику в первые годы, держались особняком. Говорили мало. Смотрели внимательно. Их никто не видел вне работы — будто они жили внутри клиники, растворяясь в её стенах.

Охрана: невидимая стена.

Охрана клиники была почти незаметной — и в этом заключалась её сила. На входе — вежливые охранники в форме, похожие скорее на администраторов. Они улыбались, открывали двери, показывали, куда пройти.

Но за улыбками скрывалась строгая система:

- камеры в каждом коридоре, датчики движения в служебных зонах, электронные пропуск, закрытые лифты по карточкам;
- ночные обходы каждые 30 минут.

Особенно тщательно охранялись два места:

подвальное крыло и лабораторный блок.

Туда не пускали даже некоторых врачей. Официально — «ради стерильности». Неофициально — ради тайн.

Иногда ночью к клинике подъезжали машины без номеров. Охрана открывала ворота молча, без вопросов. И никто из персонала не смел смотреть в ту сторону.

У входа в подвальные этажи — турникет с биометрией. Рядом — пост охраны. На стене — мониторы:

***Зона 1** — холл, палаты. Открытые камеры.

•Зона 2 — операционные, лаборатории. Доступ по чипам.

• **Зона 3** — подвал, морг. **Без видеонаблюдения.** Только аудиодатчики.

Как устроена система безопасности.

— **Внешний периметр** — ЧОП «Щит М». КПП, до-
смотр.

— **Внутренний контроль** — служба безопасности кли-
ники:

* мониторинг персонала, проверка почты, прослушка те-
лефонов. — **Экстренные протоколы** — блокировка эта-
жей, эвакуация VIP, уничтожение документов.

Кто руководит охраной?

Бориславский Валерий Николаевич — бывший со-
трудник силовых структур. Лично отбирает телохранителей
для Вольского..

Его люди — в штатском, без опознавательных знаков. Их
задачи:

- пресекать утечки информации, «убеждать» недоволь-
ных сотрудников, контролировать доставку «специфических
грузов».

Разговор в кулуарах.

В кафетерии для персонала медсестра Лена шепчет кол-
леге:

— Слышала? Лаборант спросил, почему в подвале нет ка-
мер. На следующий день его перевели в «Благодетель-2».

Коллега нервно оглядывается: — Молчи. Тут стены тоже
слушают.

А в кабинете Вольского на столе лежит папка с надписью:
«Кадры. Конфиденциально».

На первой странице — список фамилий с пометками:

- «Проверен. Лоялен», «Под наблюдением», «Устранить

при риске»

Так, за вежливыми улыбками и благотворительными отчётами, работает машина, где каждый винтик знает своё место — и цену молчания.

Идеальная репутация — как броня.

В городе «Благодетель» считали образцом. Газеты писали о нём восторженно. Телевидение снимало сюжеты о «медицине будущего». Женщины мечтали рожать именно здесь.

И никто — ни пациенты, ни журналисты, ни чиновники — не задавал вопрос:

Почему клиника, которая так много тратит на благотворительность, никогда не публикует отчёты фонда?

Никто не замечал, что за сияющей витриной стоит структура, где всё — от кадров до охраны — выстроено так, чтобы **скрывать**, а не показывать.

И именно в этот период, когда клиника сияла ярче всего, когда пресса пела дифирамбы, когда фонд получал очередную премию, — **именно тогда Анжела впервые переступила её порог.**

И никто ещё не знал, что её история станет **трещиной** в идеальной витрине.

Глава 14. Тень системы: Конвейер «Феникс»

Фасад и Тень

Снаружи «Благодетель» сиял. В холле мягкий свет и улыбки медсестер создавали иллюзию рая. Но стоило пройти за стеклянную перегородку с дежурной табличкой «Посторонним вход воспрещен», как декорации менялись

Идеальная витрина и её тень.

В холле «Благодетеля» всё сияло. Свет падал мягко, ровно, будто его заранее репетировали. Медсёстры улыбались, как на рекламных буклетах.

По коридору проходила молодая женщина в дорогом халате, держа букет — её только что выписали. Фотограф ловил удачный ракурс. Главврач провожал её до дверей, говорил правильные слова о счастье материнства.

Журналисты записывали, кивали, улыбались.

Но стоило пройти чуть дальше — за стеклянную перегородку с табличкой «Посторонним вход воспрещён» — и мир менялся.

Коридор сужался, свет становился тусклым. Орхидеи исчезали. Оставались только серые двери: «Санитарная зона», «Склад медикаментов».

Улыбки исчезали, голоса стихали. Воздух становился холоднее.

Это было социальное отделение.

О нём редко говорили. В отчётах оно значилось как «благотворительный блок». На деле — это был другой мир.

Холод.

Здесь не пахло цветами. Здесь пахло хлоркой и чем-то металлическим, едва уловимым, но неприятным.

Стены были того же белого цвета, но казались серее, будто свет сюда доходил уже уставшим. Лампы гудели. Полы были чистыми, но холодными, как в морге.

В палатах — простые железные кровати. Ряды коек, разделённых перегородками. Женщины в одинаковых халатах сидели молча.

Никаких дизайнерских покрывал. Никаких мягких кресел, никаких ароматических ламп.

Только функциональность, только минимум.

Тишина.

В одной из палат сидела девушка лет двадцати — худая, бледная, с пустым взглядом. Она держала руки на животе, будто защищала его от чего-то невидимого.

Медсестра вошла, проверила капельницу, не сказав ни слова. Девушка подняла глаза — коротко, испуганно и снова опустила.

В коридоре слышались шаги — ровные, размеренные. Охранник проходил мимо, не глядя по сторонам.

Здесь охрана не улыбалась, здесь она была настоящей.

Клубок начинает распутываться.

В конце коридора была дверь без таблички. Обычная, ни-

чем не примечательная. Но замок на ней был новый, дорогой, электронный.

Иногда туда заходили врачи — те самые, которых никто никогда не видел в холле. Они не носили бейджей, не улыбались, не здоровались.

Дверь открывалась бесшумно и закрывалась так же. И каждый раз после этого коридор становился ещё тише.

И именно в эту тишину, в этот холод, в этот коридор без таблички когда-то привели Анжелу.

Тогда ещё никто не знал, что её шаги по этому коридору станут началом конца для «Благодетеля».

Тёмный подвал. Операционная.

Запах антисептиков здесь не маскировал, а лишь подчёркивал другие ароматы — металлический привкус крови, едкий дух формалина, сладковатую гниль, которую не могли перебить даже мощные вытяжки.

Скрытые операции.

В операционной №3 — той, которой не было на официальном плане — свет был приглушён до багрового полумрака. Хирургические лампы горели тускло, словно боялись высветить лишнее.

— Время? — голос хирурга звучал глухо под маской.

— 02:17, — ответил ассистент, сверяясь с часами без циферблата.

На столе лежала женщина. Глаза закрыты плотным бинтом. Руки зафиксированы ремнями. Анестезия — не наркоз,

а особый коктейль: достаточно, чтобы обездвигнуть, но не настолько, чтобы заглушить боль полностью.

— Начинаем, — хирург взял скальпель. — Записывайте: «аномалия развития плаценты».

Никто не произносил вслух, что «аномалия» — это живой плод на двадцать восьмой неделе. В протоколах операция значилась как «экстренная гистерэктомия». В реальности — извлечение тканей для «научных целей».

Биоматериалы: конвейер смерти.

За операционной — коридор с дверями без номеров. За каждой — холодильные камеры с маркировкой:

- К-12 — «плацента, группа А», Ф-7 — «фетальные ткани, резерв»
- О-3 — «органы, срочная отправка»

Лаборанты в защитных костюмах переносили контейнеры, сверялись с кодами, вносили данные в базу. Ни имён, ни диагнозов. Только штрих-коды и даты.

— Этот образец — в «Фарм Альянс», — приказал старший лаборант. — Остальные — в криохранилище.

В углу корзина с детскими вещами: кружевные пелёнки, крошечные шапочки. Их снимали с тел перед утилизацией.

«Стерилизация рисков»: идеальный механизм.

В соседнем помещении стол с мониторами. На экранах лица женщин, поступивших за последние три месяца. Рядом графы:

- «Статус»: закрыт / в работе / устранён.

- «Угроза»: низкий / средний / критический.
- «Действия»: наблюдение / убеждение / эвакуация.

— Петрова, двадцать четыре года, — читает сотрудник службы безопасности. — Звонила матери, говорила о «странных процедурах».

— Перевести в филиал «Север», — скомандовал Бориславский. — Оформить как «ухудшение состояния». Через неделю — «смерть от сепсиса». Документы готовы?

— Всё подписано.

Первые намёки на исчезновения.

В холле первого этажа старушка с трясущимися руками спрашивала медсестру:

— Вы не видели мою Леночку? Она тут с прошлой недели...

Медсестра не подняла глаз:

— Проверьте список выписанных. Если нет — в регистратуру.

Старушка ушла, сжимая записку: «Лена, 19 лет. Поступила 12 мая». На обратной стороне номер палаты, зачёркнутый красным.

Позже лаборант нашёл её карту. На обложке — штамп: **«Уничтожить после 30 дней хранения»**. В графе «исход» — строка: **«Переведена в специализированный центр»**.

Адреса центра не существовало.

Тень системы.

В кабинете Вольского на столе лежала папка с надписью:

«Проект «Феникс»».

Внутри графики доходов, списки «партнёров», схема логистики биоматериалов. На последней странице фото улыбающейся женщины с младенцем. Подпись:

«Образец 45. Успешная реализация».

Вольский закрыл папку. За окном мерцали огни города. Где-то там, в темноте, уже везли новую «пациентку» — очередную цифру в безупречной статистике.

Милосердие было лишь топливом. Одни женщины давали ткани, другие — органы, третьи становились инкубаторами для тех, кто мог заплатить миллионы. Безупречная статистика, идеальная репутация, миллионные гранты — всё это держалось на тишине подвального этажа.

Но сегодня что-то пошло не так.

Телефон зазвонил. Голос в трубке произнёс:

— У нас проблема. Одна из «переведённых» дала показания.

Вольский медленно положил трубку. Впервые за десять лет он почувствовал, как идеальная машина начала давать сбой.

Глава 15. Память крови в доме Савельевых

В доме Савельевых всегда царил образцовый порядок. Марина Николаевна гордилась этим: белые скатерти, начищенное серебро, тишина.

Кате исполнилось десять. Она стояла в своей спальне перед зеркалом, медленно расчёсывая густые тёмные волосы. В тусклом свете ночника они казались почти чёрными. Свет лампы ложился на её бледную кожу, и девочка замерла, вглядываясь в собственные глаза.

Она долго смотрела на отражение, потом взяла расчёску и вышла в гостиную.

Отец Кати сидел у телевизора, лениво переключая каналы. Русский, спокойный, он души не чаял в дочери. Марина уже стояла в дверях, проверяя содержимое медицинской сумки — её снова ждала ночная смена в «Благодетеле».

Катя подошла ближе, не сводя взгляда с зеркала в прихожей, где отражалась вся их семья.

— Папа... — тихо сказала она. — Почему у мамы волосы светлые, у тебя — почти как у неё... а у меня такие тёмные? Я совсем на вас не похожа.

Отец растерялся. На мгновение в его глазах мелькнула тень страха. Он посмотрел на жену, словно ища подсказки, но Марина застыла, не оборачиваясь.

— Ну... Катюша... так бывает, милая, — неуверенно ответил он. — Наверное, в дедушку по моей линии. Гены — штука непредсказуемая.

Марина, застёгивая пальто, остановилась в дверях гостиной. Её лицо окаменело.

Катя подошла ближе и села на край дивана, обняв колени.
— А ещё... — она подняла глаза на отца, и в них была какая-то взрослая тоска. — Мне вчера сон приснился. Будто я маленькая, совсем кроха. И меня держит на руках женщина. У неё такие же тёмные волосы, как у меня сейчас. Она меня качает, целует и шепчет: «Спи, родная, я тебя очень люблю». Она плакала, папа. А потом ушла в темноту. Я кричала, звала её, просила остаться... а она только махала рукой...

В гостиной повисла такая тишина, что было слышно, как тикают настенные часы.

Марина медленно вернулась в комнату, не снимая пальто. Она поставила сумку на пол. В доме стало неестественно тихо.

Катя подняла голову:

— Она сказала во сне, что она — моя мама, — прошептала девочка, глядя прямо на Марину. — Но ведь ты моя мама? Вы ведь родные мои... правда? Вы же меня любите? Почему ты, мамочка, меня никогда не убаюкиваешь перед сном? Ты всегда уходишь на работу в ночь... Я же ваша дочь, а не той тёти из сна?

Марина подошла к дочери. Её лицо было бледным, как

госпитальная простыня. Она опустила на корточки, взяла Катю за плечи и прижала к себе — слишком крепко, почти болезненно. Её руки, пахнувшие антисептиком, дрожали.

— Конечно, мы твои родные, Катенька, — голос Марины был надтреснутым, звенящим, как натянутая струна. — Сны — это просто картинки. Мало ли что привидится. Я твоя мама. Я тебя вырастила. А на работу я ухожу, чтобы у тебя было всё самое лучшее. И волосы твои — это просто случайность. Не думай об этом. Слышишь? Никогда об этом не думай. Мы тебя никогда не оставим. Никогда.

Она поцеловала дочь в лоб. Но в этом поцелуе не было тепла — только судорожное желание удержать то, что ей никогда не принадлежало по праву.

Марина ещё раз поцеловала Катю в макушку. Но взгляд, который она бросила на мужа, был полон скрытого ужаса.

Она знала: Катя не «случайность».

ЧАСТЬ III — Уничтожение следов. Охота на свидетелей

Глава 16. Зачистка

Утро в Берёзовске началось не с гудка завода, а с истошного крика соседки по лестничной клетке — Марьи Петровны.

Она зашла за солью. Дверь была не заперта. Клавдия Степановна лежала на диване — чистая, аккуратно укрытая пледом, словно просто прилегла вздремнуть. Но глаза, устремлённые в потолок, были уже стеклянными.

Вооружившись списками из управляющей компании, Анна снова была на улице Ленина. В этот раз с ней был оперативник Лукашов.

— Ну что, Аня, сегодня просеиваем тех, кто съехал? — спросил он, проверяя планшет.

— Начнём с пятидесятой квартиры, — ответила Анна. — Хозяйка, Елена Викторовна. Десять лет назад жила в тринадцатом доме, окна в окна с Анжелой. Вчера вернулась из командировки.

Елена Викторовна, женщина лет сорока пяти с цепким взглядом, встретила их на пороге — чемодан ещё не разо-

бран.

— Да, слышала, что дело Анжелы снова подняли. Бедная девочка... — она пригласила их в комнату. — Я в тот день, двадцать восьмого декабря, очень рано собиралась в аэропорт. В начале восьмого прогревала машину.

— Вы ничего необычного не заметили? — спросила Анна. Елена Викторовна нахмурилась:

— Видела фургон. Белый. С надписью «Медтехника». Стоял у арки, перегородив проезд. Но меня поразило другое. К фургону подошла женщина — шикарная, в светлом меху. Она вела под руку девочку. Анжелу, но девочка была... какая-то неживая. Ноги подволакивала.

Анна замерла. — Мужчин рядом видели?

— Двое. Крепкие, в одинаковых тёмных куртках. Один открыл задние двери фургона. Там внутри оборудование: баллоны, стойки, как в операционной. Они её туда буквально занесли.

— А машина женщины? — уточнила Анна.

— Чёрный внедорожник, номера грязные, но я запомнила наклейку, — Елена Викторовна подошла к столу и быстро набросала значок. — Частная клиника «Эскулап-М». Маленькая такая на заднем стекле.

Анна и Лукашов переглянулись.

Это было уже не просто слово, это было **название**.

Анна аккуратно заполнила протокол. — Прочтите, пожалуйста.

Елена Викторовна внимательно изучила текст и уверенно подписала.

— Всё так и было. Надеюсь, это поможет.

Анна поблагодарила её и вышла с Лукашовым на улицу.

И тут они услышали шум у соседнего дома — того самого, где жила Клавдия Степановна.

У подъезда собралась группа женщин. Они говорили взволнованно, тревожно. Анна узнала соседку старушки.

— Что случилось? — Анна подошла ближе. Холодная тревога уже поднималась внутри.

— Ой, деточки... беда! — соседка утирала слёзы. — Зашла за Клавой в магазин позвать... а дверь приоткрыта. Зову — тишина. Зашла... а она на диване лежит. Холодная... всё, неживая наша Клава...

Анна почувствовала, как радость от удачного опроса рухнула в пропасть. Вчера она пила здесь чай. Сегодня — свидетельницы нет.

— Лукашов! — резко сказала она. — звони Климову и эксперту — срочно!

Через двадцать минут двор был оцеплен. Подъехал «УАЗ» Климова.

Полковник вышел хмурый, взгляд мгновенно оценил обстановку.

— Докладывай, — бросил он Анне, заходя в квартиру.

Расследование гибели Клавдии Степановны.

Двор был тихим, будто вымершим. Снег лежал ровным

слоем, и только следы оперативников нарушали его гладь. Климов сжал челюсть. Полтора часа назад они как раз возвращались из гостиницы.

— Её убрали. Ценного свидетеля убрали.

Анна кивнула. Она чувствовала то же самое.

Он повернулся к группе:

— Работать. Подъезд, камеры, следы, все контакты Клавдии Степановны за последние сутки. Пусть весь дом перевернут.

И добавил тихо, почти себе:

— Они думают, что мы остановимся, но теперь — мы их дожмём.

Климов посмотрел на окно Клавдии Степановны. Теперь оно было мертвым. Туман вокруг дела начал окрашиваться кровью.

Квартира Клавдии Степановны.

Квартира, ещё вчера казавшаяся уютным островком прошлого, теперь встретила следственную группу мёртвой тишиной и резким запахом медицинского спирта, перебивающим аромат старых книг.

Анна стояла в прихожей бледная, но собранная.

— Я обошла все квартиры подъезда, — доложила она. — Никто ничего не видел и не слышал. Только соседка утром заметила, что дверь была приоткрыта. Она зашла позвать Клавдию Степановну в магазин и увидела её на диване. Она не двигалась и не отвечала. Тогда соседка вызвала полицию.

Дежурный позвонил мне и сказал, что вам тоже звонил, но вы не ответили.

Климов посмотрел на телефон. Он был разряжен.

Он прошёл в комнату. Эксперт-криминалист уже работал у тела. На столе стояла та самая чашка, из которой вчера пила Аня. Рядом раскрытая газета. Всё выглядело так, будто смерть застала женщину за обычным делом.

Клавдия Степановна лежала на диване в той же позе, в которой, вероятно, уснула. На столе всё ещё стояли две чашки.

Климов подошёл к эксперту:

— Что скажешь, Иваныч? Сердце?

Эксперт покачал головой:

— Она умерла здесь, на диване. Следов борьбы нет.

Медэксперт Сазонов, флегматичный старик, выпрямился, снимая перчатки:

— На первый взгляд сердце, но зрачки расширены и есть лёгкий химический запах. На шее след. Не удушение, просто придержали, чтобы не кричала, пока вводили препарат. Время смерти около полутора часов назад. Мы опоздали, Николай Сергеевич.

Климов напрягся: — Хочешь сказать, отравили?

— Скажу после вскрытия и токсикологии. Но зрачки слишком расширены для естественной смерти. И запах... нехарактерный. Если что-то и ввели, то незаметно или добавили в питьё, — эксперт кивнул на чашки.

— Чашки на экспертизу, — приказал Климов.

Сазонов указал на сгиб локтя:

— И ещё. Свежий след от укола, едва заметный. Сделаем анализ крови — узнаем точно.

— Зафиксировали?

— Да, Николай Сергеевич.

— Она вызывала «скорую»? — спросил Климов.

— В журналах вызовов её адреса нет, — ответила Конова. — Я проверила.

Климов выпрямился:

— Значит, «врачи» приехали сами. Те же, что десять лет назад приехали за Анжелой. Аня, что у тебя по новому свидетелю?

Анна достала листок с рисунком Елены Викторовны:

— Есть прямое подтверждение. Фургон «Медтехника», двое крепких мужчин и женщина в светлых мехах. Анжелу грузили в машину в полубессознательном состоянии. И главное — наклейка на внедорожнике сопровождения: «Эскулап-М».

Климов взял листок, вглядываясь в значок:

— «Эскулап-М»... Старое название фонда Вольского. Они зачищают хвосты, Аня. Клавдия Степановна слишком много рассказала нам вчера. Соколов или Вольский поняли, что мы начали копать двор на Ленина, и отправили «ликвидаторов».

Он повернулся к Лукашову: — Елена Викторовна под охраной?

— Да, товарищ полковник. Двое ребят уже у её подъезда.

— Усилить. Никаких «врачей», никаких «проверок газа». Доставить её в безопасное место, как только закончим здесь.

Он посмотрел на мирное лицо старушки, которая не боялась сказать правду спустя десять лет.

Климов стоял у подъезда, глядя на носилки, на которых уже накрыли тело Клавдии Степановны. Из-под покрывала выглядывала старенькая вязаная кофта — та самая, в которой она вчера встречала Анну.

— Они думают, что смерть свидетеля остановит дело, — тихо сказал он. — Но они ошиблись. Теперь это не просто розыск, теперь это охота.

Кононова, кто знал, что ты нашла этого свидетеля?

Анна побледнела:

— Только наша группа. И... те, кто мог подслушивать. Или видеть меня через окно.

Климов посмотрел на окно Клавдии Степановны — то самое, что выходило на дом Анжелы. Теперь оно было мёртвым.

— Значит, мы наступили кому-то на хвост и этот кто-то начал зачистку.

Он повернулся:

— Лукашов! Все камеры в округе за сутки. Всех, кто входил в подъезд — на карандаш.

Туман вокруг дела не просто рассеивался — он начал окрашиваться кровью.

Видеорегистраторы.

(Двор дома Клавдии Степановны. 11:20)

Климов быстро шёл вдоль шеренги припаркованных машин, сканируя лобовые стекла.

— Паша, этого бери первым, — он указал на «Ладу». — Удачно стоит.

Павел ударил по колесу. Машина взвыла сигнализацией. Через минуту в окне второго этажа показался парень, а ещё через три — уже бежал вниз, выключая сирену.

— Командир, чего шумим? — спросил он, запыхавшись.

— Полиция. Нужна запись с регистратора за последний час, — коротко сказал Климов.

Парень без споров вынул карту памяти и передал Павлу.

Точно так же они «вызвали» владелицу соседней «Тойоты».

Просмотр записей.

В салоне «Патриота» Павел вывел на экран первую запись.

— Смотрите, 10:10, — Серебров ткнул пальцем. — Серая «Мазда». Заходит мягко, водитель явно знает двор. Из машины выходит мужчина. Тёмная куртка, папка. Лицо скрыто кепкой.

Павел переключил на вторую запись. Камера поймала машину сзади. Когда мужчина открывал дверь, на заднем стекле мигнула круглая наклейка — мишень с надписью «Рубеж».

Климов прищурился:

— «Рубеж»... Похоже на стрелковый клуб или ЧОП. Аня, фиксируй.

— Проверю по реестру, — быстро ответила она.

— И посмотри на его правую руку, — добавил Климов. — Он локтем прижимает полу куртки. Так делают те, кто носит оружие за поясом.

Он ещё не знал, что этот клуб курирует Бориславский. Это придёт позже, но его опыт уже кричал: **в город зашёл профессионал**, и работает он на тех, кто боится правды об Анжеле.

Опрос соседей.

Анна ходила по этажу, стучала в двери. Смерть делает подъезд тише. Дверь открыла женщина лет шестидесяти, в пуховом платке.

— Вы соседка Клавдии Степановны? — мягко спросила Анна.

— Да... я...

— Расскажите, как вы её нашли.

Женщина вздохнула:

— Собралась в магазин. Думаю, зайду за Клавой... Подхожу — дверь приоткрыта. Зову... тишина. Зашла — а она на диване. Я её по руке взяла... а рука холодная...

Анна записывала. — Дверь была приоткрыта?

— Да. Как будто кто-то выходил и не закрыл.

— Вы кого-нибудь видели?

Женщина замаялась.

— Не видела... но слышала. Минут за десять до того, как я к ней пошла, кто-то прошёл по лестнице. Мужчина. Тяжёлые шаги... и запах... табак дешёвый.

Анна подняла глаза. Это было важно.

Когда Анна вернулась, Климов стоял у двери квартиры. Дверь была действительно приоткрыта — ровно настолько, чтобы выйти тихо.

— Что у тебя? — спросил он.

Анна передала блокнот.

Он прочитал и сказал:

— Дверь приоткрыта. След давления на шее. Мужчина в подъезде. И женщина, которая вчера дала нам важные сведения... сегодня мертва.

Он закрыл блокнот.

— Её убрали. Ценного свидетеля убрали.

Анна тихо спросила: — Это же не случайность?

Климов посмотрел на снег, на следы, которые заметал ветер.

— Да, Аня. Это — зачистка. И мы опоздали ровно на один шаг.

Команды.

— Паша, файлы в дело. — Аня, твоя задача — «пробить» этот «Рубеж»: учредители, тренеры, клиенты. И проверить, не мелькали ли там машины «Благодетеля». — Серебров — трясина архивы «Эскулап-М» до седьмого колена. Нужны все сотрудники логистики за декабрь 2008 года. — Лукашов —

камеры по периметру, все подозрительные входы в подъезд за сутки.

Он повернулся к команде:

— Я заезжал к Волкову, — сказал Климов, глядя на ночной Берёзовск. — Он до сих пор хранит ту старую тетрадь. Знаешь, что он сказал? Он нашёл медсестру из «Эскулапа», которая видела Анжелу в палате интенсивной терапии. Она была жива, её готовили к кесареву. Но на следующий день медсестра исчезла, а Волкова подставили со взяткой. — Значит, он был в шаге от правды? — прошептала Анна. — Да. И теперь мы доделаем его работу. Я пообещал ему, что он ещё увидит Соколова и Бориславского в наручниках. Это дело — его реабилитация.

Работа «ногами» стала смертельно опасной. Туман вокруг дела не просто рассеивался — он начал окрашиваться в кровь.

Климов приказал Лукашову неотлучно находиться рядом с Кононовой.

Разговор со Стрельниковым.

Через час Климов без стука вошёл в кабинет начальника полиции Стрельникова.

— Дмитрий Леонидович, объясните мне, — голос Климова вибрировал от сдерживаемого гнева, — почему я узнаю о смерти ключевого свидетеля от своих оперов, а не от дежурного? И почему вызов на улицу Ленина лежал в дежурке сорок минут без регистрации?

Стрельников снял очки:

— Николай Сергеевич, не кипятись. Рядовая смерть, старушка за восемьдесят. Дежурный решил, что криминала нет...

Тишина стала тяжёлой.

Стрельников медленно поднялся.

— Кто-то методично убирает свидетелей, — Климов чеканил каждое слово. — По Клавдии Степановне убийца опоздал — мы успели получить её показания

Он ударил ладонью по столу:

— В дежурке сидит крот или наши телефоны слушают.

Стрельников побледнел.

— Клавдия Степановна убита, — сказал он ровно. — Тихо, чисто. Следов почти нет. Это подтверждает: канал утечки работает. И работает быстро.

Стрельников побледнел. Он медленно сел, будто под ним исчезла опора.

— Чёрт... — выдохнул он. — Они идут по всем, кто хоть что-то знает.

Климов кивнул:

— Именно. И после опроса Кононовой Елены Викторовны в её квартире стало ясно: она — следующая. Необходимо организовать её перевод на конспиративную квартиру под контролем госохраны.

Стрельников провёл рукой по лицу, собираясь. Он понимал: это не просьба. Это — констатация угрозы.

Он нажал кнопку селектора:

— Ко мне полковника Золотова. Срочно.

Через минуту дверь открылась, и вошёл Золотов — высокий, собранный, с внимательным взглядом человека, который привык работать в условиях риска.

— Слушаю, — сказал он спокойно.

Стрельников повернулся к нему, голос стал жёстким, без колебаний:

— Полковник, необходимо организовать скрытый вывоз Елены Викторовны из квартиры. Размещение — на конспиративной квартире. Адрес — только вам, группе и лейтенанту Кононовой. Срок — немедленно.

Золотов кивнул:

— Принято. Группа готова. Машина будет подана через пятнадцать минут. Маршрут — закрытый. Информация — минимальный доступ.

Он посмотрел на Климова:

— После доставки получите подтверждение. Адрес не раскрывается.

Климов слегка кивнул — именно так и должно быть.

Стрельников поднялся, будто возвращая себе контроль:

— Людей выделяю. Связь — через меня. Держите в курсе только факт доставки.

— Будет сделано, — сказал Золотов и вышел.

В кабинете повисла тяжёлая тишина.

Стрельников посмотрел на Климова долгим, тяжёлым

взглядом:

— Николай Сергеевич... если они убрали Клавдию Степановну, значит, они не остановятся.

Климов ответил спокойно, почти холодно:

— Поэтому Елена Викторовна должна исчезнуть для всех. Кроме тех, кто обязан знать.

Он развернулся и вышел, оставив Стрельникова в кабинете, где воздух стал плотным, как перед грозой.

Игра перешла в фазу, где цена ошибки — жизнь.

Стрельников тихо добавил:

— Я найду этого крота.

Молния слухов о смерти Клавдии Степановны. Журналисты.

Берёзовск был маленьким городком, где новости не распространялись — **они взрывались**. Особенно такие.

Сначала медсестра из приёмного отделения сказала подруге, что «там что-то странное». Через десять минут продавщица из «Продуктов» уже шептала покупателям:

— Это та самая Клавдия... свидетельница... — Да-да, по делу Анжелы... — Говорят, умерла внезапно...

А ещё через полчаса весь Берёзовск гудел, как потревоженный улей.

Слухи не просто ползли — **они летели**, перескакивая от подъезда к подъезду, от лавочки к лавочке, от таксиста к таксисту.

— Её убрали! — Это из-за следователей! — Она что-то

знала! — Москва приехала — и сразу смерть!

Когда Анна, закончив опрос жильцов, вышла из подъезда, её уже ждали журналисты.

— Девушка! Это вы её вчера допрашивали? — местная журналистка вцепилась в рукав Ани. — Соседка говорит, Клавдия после вас места себе не находила! Что вы из неё вытянули, раз она до рассвета не дотянула?!

Вспышки камер слепили, как пулемётные очереди. Толпа напирала.

— Довели человека! — Приехали из Москвы смерти сеять!

Журналисты буквально зажали Аню у подъезда, не давая сделать ни шага. Она стояла оглушённая, и в памяти всплывал образ Степановны, дрожащими руками наливающей чай.

И тут: — Назад!

Громовой голос Климова разрезал гомон толпы.

Он появился из-за машины, как тяжёлый танк, подминающий под себя всё на пути. Климов рывком отодвинул репортёра и встал перед Аней, закрывая её от объективов.

— Полковник, прокомментируйте... — пискнул кто-то.

Климов обвёл толпу взглядом, от которого люди невольно попятились.

— Комментировать будет экспертиза, — сказал он ровно. — Клавдия Степановна была жива после ухода моего сотрудника. Это подтверждает та самая соседка, которая сейчас работает на ваши микрофоны. А вот что случилось здесь

в три часа ночи — это вопрос к тем, кто так сильно боится правды.

Он повернулся к Ане: — В машину. Немедленно.

Он буквально втиснул её в салон «Волги», захлопнув дверь перед носом репортёра.

— Полковник, это правда, что умерла свидетельница?! — Это связано с вашим расследованием?! — Она успела что-то сказать?! — Это совпадение или...? — Смерть носит криминальный характер?!

Климов остановился. Он не любил такие сцены — слишком много шума, слишком мало смысла. Но уйти было невозможно: журналисты окружили его плотным кольцом.

Он посмотрел на них спокойно, холодно — как на надоедливых мух.

— Следствие продолжается. Комментариев по поводу смерти Клавдии Степановны не будет. Просьба не мешать работе.

— Но это же подозрительно! — выкрикнул кто-то. — Она была первой, кого вы опросили! И сразу умерла!

Климов слегка приподнял подбородок — его жест раздражения.

— Я сказал всё, что мог.

Он сделал шаг вперёд. Оперативники синхронно раздвинули толпу. Журналисты отступили, но продолжали снимать и кричать.

Климов сел в машину. Дверь хлопнула. Мотор взревел.

В салоне Аня прошептала:

— Николай Сергеевич... я ведь чувствовала... Она боялась не меня. Она боялась того, что наступит после.

— Значит, она знала, за кем придут ночью, — Климов до хруста сжал кулаки. — Соседка говорит — лежала на диване? Укрытая? Это почерк, Аня. Убийца не просто убрал свидетеля — он навёл «порядок». Он зашёл как к себе домой.

Город гудит.

На площади у почты уже толпились люди. Кто-то принёс распечатанную фотографию Клавдии Степановны — ту, где она в платке, улыбается, держит корзину с яблоками. Фото прикрепили к доске объявлений рядом со снимком Анжелы Кравченко.

Теперь два лица смотрели с бумаги: одно — молодое, другое — пожилое, но оба — **вопрошающие**.

Кто-то прикрепил записку:

«Молчать — значит помогать. Кто следующий?»

И Берёзовск жил только одной мыслью:

«Если свидетельница умерла... кто будет следующим?»

Город снова зашумел, как растревоженный улей.

Глава 17. Газовая ловушка.

Покушение на второго свидетеля Елену Викторовну

Климов понимал: осталась последняя — Елена Викторовна.

Та самая, что видела «неживую» Анжелу и наклейку «Эскулап-М».

Вошла Анна, бледная, с тёмными кругами под глазами.

— Николай Сергеевич, Елена Викторовна на конспиративной квартире. С ней двое бойцов из группы сопровождения. Но я не нахожу себе места.

— И правильно делаешь, Аня, — Климов остановился и посмотрел на неё. — Я только что от Стрельникова. Знаешь, что самое паршивое? Кто-то в этом здании работает на опережение.

— Вы хотите сказать, что нас слушают?

— Нас не просто слушают, Аня. У них есть доступ к базе «Безопасный город» и к нашим внутренним сводкам. Смерть Клавдии Степановны — это не случайность, это сигнал. Они поняли, что мы начали копать в сторону «Медтехники» и «Благотетеля».

Климов подошёл к карте. — Смотри сюда. Квартира Елены Викторовны была под наблюдением. Как только вы с Лу-

кашовым вышли от неё, кто-то отдал приказ. Но они не знали, что она только приехала! Они думали, что Клавдия Степановна — единственная, кто видел фургон. Когда они поняли, что есть ещё одна свидетельница, началась паника.

Анна Кононова и Лукашов по заданию Климова мчались на конспиративную квартиру спасти ценного свидетеля.

Вечерний Берёзовск тонуло в серой дымке. Анна сидела на пассажирском сиденье старой «Лады» Лукашова. Разговор Климова с Ивановой и Волковым, о котором он кратко сообщил по рации, расставил всё по местам: клиника сначала купила одного следователя, а когда дело попало к честному Волкову — задействовала свои рычаги в верхушке полиции, чтобы устранить его.

— Знаешь, Аня, — подал голос Лукашов, — это не просто криминал. Это целая структура, которая десять лет назад растоптала честного Волкова и использовала слабость Ивановой. Метастазы повсюду.

— Структура, которая прячется за вывеской «Благотель», — отозвалась Анна. — Теперь я понимаю, что это их «почерк».

Когда они подъехали к пятиэтажке, где скрывали Елену Викторовну, во дворе было подозрительно тихо.

Они увидели пустую машину сопровождения. — Стой! — Аня схватила Лукашова за руку. — Окна не светятся.

Они выскочили из автомобиля. Поднявшись на третий этаж, Анна, почувствовала приторно-сладкий запах. Дверь

в квартиру была не заперта. В прихожей, привалившись к стене, сидел один из оперативников сопровождения. Он был жив, но дышал тяжело.

— Газ... — прохрипел он. — Они зашли... через окно...

Анна ворвалась в комнату. Елена Викторовна лежала на кровати, бледная, но живая. Рядом — стакан воды с тем же запахом. Жива! — крикнул Лукашов. — Мы успели! Опоздай на несколько минут, не успели бы спасти.

Елену Викторовну и оперативника Аня с Лукашовым срочно доставили в больницу. Климов уже ждал их возле больницы.

Больница. Первые показания.

Через час, в коридоре больницы, Климов допрашивал пришедшего в себя оперативника.

— Они действовали профессионально, — говорил тот, морщась от боли. — Использовали аэрозольный парализатор. Зашли с крыши. Один был... в форме врача.

Климов перевёл взгляд на Стрельникова, который только что прибыл.

— Дмитрий Леонидович, теперь вы видите? — голос Климова был ледяным. — Они зашли в квартиру, адрес которой знали только вы и я. Корни этого предательства уходят в ту же систему, что десять лет назад вышвырнула Волкова, когда он посмел копать под «Благодетель».

Стрельников сжал кулаки.

— Я найду гниду в своём управлении.

Позже, в больнице, Климов, с разрешения врача, опрашивал пришедшего в себя охранника.

— Действовали профи. Один был в форме врача.

После опроса Климов шёл в кабинет врача по кафельному полу быстро, его шаги гулким эхом отдавались в пустом коридоре. Он не любил больницы — здесь всегда пахло бессилием, а Николай Сергеевич привык действовать. У дверей ординаторской он столкнулся с дежурным врачом — мужчиной лет пятидесяти с усталыми глазами.

— Доктор, я по поводу оперативника, — Климов не спрашивал, он констатировал факт своего визита. — Что с ним?

Врач снял очки, потер переносицу и посмотрел на полковника. — Вы про того парня, которого «скорая» из отделения привезла? Состояние средней тяжести, но стабильное. Нам удалось быстро купировать бронхоспазм.

— Газ? — коротко спросил Климов.

— Аэрозоль, — кивнул врач. — Судя по клинике — сложная смесь парализующих веществ. Действует мгновенно: потеря сознания, отек гортани, остановка дыхания. Если бы его нашли минут на пять позже — вы бы сейчас со мной не разговаривали. Повезло, что парень крепкий, сердце выдержало гипоксию.

Климов сжал челюсти так, что на скулах заиграли желваки. Значит, убивать не планировали, но и о жизни не заботились — просто исключили свидетеля, чтобы не мешал.

— Он рвётся в строй, — продолжил Климов. — Утвер-

ждает, что чувствует себя нормально.

Врач сухо усмехнулся. — Они все так говорят, пока адреналин в крови. Но сейчас у него сильный химический ожог слизистой и общая интоксикация. Минимум двое суток под капельницами. Отпустить я его не могу — возможен отложенный отёк лёгких.

Климов не уходил. Он дождался, пока врач закончит записывать данные в карту оперативника Зубова, и задал второй вопрос, который беспокоил его не меньше.

— Доктор, вместе с моим сотрудником из того же подъезда доставили женщину Елену Викторовну Земцову. Она была в самой квартире. Какое состояние у неё?

Врач вздохнул и поправил халат. — С ней сложнее, Николай Сергеевич. Возраст. Если ваш оперативник — молодой мужчина с тренированным сердцем, то для неё этот газ стал критическим ударом. У неё случился тяжёлый приступ аритмии на фоне гипоксии. Сейчас она в соседнем боксе, на искусственной вентиляции лёгких (ИВЛ).

Климов нахмурился. — Она пришла в себя? Сможет говорить?

— Сейчас — нет. Она в медикаментозном сне, чтобы снизить нагрузку на сердце. Давление скачет. Мы делаем всё возможное, но прогнозов на ближайшие часы я не дам.

— Мне нужно знать минимальный срок, — Климов заговорил жёстче, подходя ближе к врачу. — Когда я смогу забрать их обоих? Мне нужно перевезти их в госпиталь МВД

или под усиленную охрану в (Главном следственном управлении (ГСУ).. Здесь они как на витрине.

Врач покачал головой. — О транспортировке забудьте минимум на сорок восемь часов. Любая тряска в машине для женщины может стать фатальной. Оперативника, в теории, можно было бы перевезти завтра к вечеру, но я, как врач, категорически против. У них обоих химический ожог дыхательных путей. Им нужен стационарный кислород и специфическая терапия, которую в дороге не обеспечишь.

Климов на секунду прикрыл глаза, просчитывая варианты. Сорок восемь часов — это вечность, когда враг знает, где ты находишься.

— Значит, сорок восемь часов, — повторил он. — Хорошо. Доктор, я расширяю зону охраны. Мои люди займут не только коридор, но и пост на входе в отделение, и дежурку внизу. Любое отключение электричества в корпусе или срабатывание пожарной тревоги — ваши сотрудники должны немедленно докладывать старшему моей группы.

— Вы серьёзно думаете, что они пойдут на штурм больницы? — врач побледнел.

— Они не будут штурмовать, — Климов посмотрел в окно на серую парковку. — Они попробуют закончить то, что начали, тихо. Но на этот раз у них не получится.

Климов вышел в коридор и набрал Аню. — Аня, Елена Викторовна нетранспортабельна. Мы застряли здесь минимум на двое суток. Я сейчас вызову резервную группу из

управления. Пусть везут спецсредства связи и перекрывают все входы. Скажи Паше — мне нужна полная схема вентиляции этого корпуса. Если они использовали газ один раз, могут попробовать пустить его через общую вытяжку.

Каналы смерти.

(Временный штаб Климова в кабинете главврача. 17:20).

Павел Серебров, взмокший и злой, швырнул на стол стопку пожелтевших листов. — Насилу выбил, Николай Сергеевич. В архиве горстроя бардак, здание больницы перестраивали трижды. Это схемы последнего капремонта пятилетней давности.

Климов мгновенно склонился над чертежами. Его палец быстро пошёл по синим линиям. — Показывай блок реанимации.

— Вот здесь, — Павел указал на центральный узел. — Система вентиляции тут общая на весь этаж. Принудительная вытяжка и приток. Но есть нюанс: шахты проходят через технический этаж, а доступ туда — через люк в подсобке на крыше. Если они закачают газ в приточный канал, через пять минут в реанимации уснут все: и врачи, и охрана, и наши свидетели.

Климов выпрямился, его взгляд стал ледяным. — А фильтры?

— Стандартные пылевые, — Павел качнул иглой. — От аэрозоля такого типа, как у Зубова, они не спасут.

— Значит, это их точка входа, — Климов обернулся к Ане. — Ставь одного бойца с тепловизором на технический этаж. Никаких «плановых проверок» вентиляции. Любой, кто приблизится к шахте — задержание.

Глава 18. Закрытый доклад начальника охраны

Помещение было маленьким, без окон, с единственной лампой под потолком. Полутёмная комната, где свет настольной лампы выхватывал только стол и двух людей за ним.

Один — начальник охраны: сухой, аккуратный, с лицом человека, который привык говорить только то, что нужно. Другой — тот, кто отдавал приказы. Имя не звучало. Оно и не требовалось.

Начальник охраны раскрыл папку.

— Докладываю, — произнёс он ровно. — Все действия по зачистке свидетелей, связанных с делом десятилетней давности, выполнены. Зайцевы — оформлено как ДТП. Свидетель Клавдия Степановна — без шума.

Он на секунду запнулся, но голос остался ровным: — Попытка устранить вторую свидетельницу, Елену Викторовну, сорвалась из-за оперативного вмешательства группы Климова. Она взята под охрану, но это временно. Мы ждём окно

Он поднял глаза.

— По жалобе матери начато следствие по закрытому делу десять лет назад: исчезновение гражданки Анжелы Кравченко проводятся допросы. В деле — Климов.

Тот, кто сидел напротив, медленно поднял взгляд: — Се-

мья?

Начальник охраны покачал головой:

— Семья не знает ничего. Мать — эмоции, вторая дочь Ольга — в стороне. Отец — давно вне круга. Трогать их — глупость — это привлечёт внимание.

— Хорошо. А мать?

Начальник охраны закрыл папку.

— Угроза ей не нужна, она и так сломана. Её жалоба — крик отчаяния, не попытка расследовать. Если на неё надавить — это привлечёт внимание. Пусть живёт. Она не опасна.

Пауза.

— Но если она начнёт говорить слишком громко — мы узнаем первыми.

Пауза.

— Опасны не они, опасны свидетели. Те, кто видел, те, кто может вспомнить, те, кто был рядом.

Он перевернул страницу.

— И что со свидетельницей, которую не удалось убрать?

— Попытка сорвалась. Попробуем ещё раз, но аккуратно, без шума. Сейчас слишком много глаз. Нужно дождаться момента, когда она останется без защиты.

Тот, кто сидел, кивнул:

— Сейчас главное — не семья. Сейчас главное — свидетели и следствие. Если они подойдут слишком близко — придётся решать вопрос уже с ними.

Тишина стала плотной, как бетон.

— А бывший следователь Волков? — спросил тот, кто отдавал приказы.

— Не представляет угрозы. Он почти ничего не успел узнать. И... — начальник охраны позволил себе тонкую усмешку, — они и так уже видят, что свидетелей нет. Это само по себе говорит громче любых действий.

Тот, кто отдавал приказы, откинулся на спинку стула.

Он говорил спокойно, как о технической задаче.

— Главное — чтобы никто не связал это с делом Кравченко. Иначе... — он сделал короткую паузу, — придётся убирать уже не свидетелей, а тех, кто расследует.

Тишина стала ещё тяжелее.

— Климов? — спросил тот, кто отдавал приказы.

Начальник охраны чуть наклонил голову.

— Он слишком настойчив, но пока — в рамках. Мы наблюдаем.

Он закрыл папку. — Всё идёт по плану. Они ищут то, чего нет.

В офисе частного охранного предприятия (ЧОП) «Щит-Б».

Бориславский стоял у панорамного окна, глядя на огни Берёзовска. В руке он вертел тяжелую зажигалку. В дверь коротко постучали. В кабинет вошел Терентьев, тот самый «электрик», уже переодетый в дорогой тактический костюм.

— Плохие новости, Валерий Николаевич, — голос Терен-

тьева был сухим. — Свидетельница жива. Старуха в реанимации, на аппаратах. И мент, который был в подъезде, тоже там. Климов выставил охрану, перекрыл весь этаж. В лоб не зайти.

Бориславский медленно повернулся. Его лицо не выражало ярости, только холодную решимость. — Климов... — тихо произнес он. — Всю жизнь он мне мешает. Климов думает, что стены больницы его спасут. Он забывает, что мы не в каменном веке живем.

Бориславский подошел к сейфу, достал небольшой кейс с маркировкой химической защиты. — Раз они все собрались в одном месте — тем лучше. Не нужно бегать по городу.

Бориславский позвонил кому то, договорился о выделении боевиков и получает согласие.

Терентьев, бери группу ЧОПа. Используйте установку «Туман». Закачайте смесь в вентиляцию реанимационного блока.

— Там гражданские врачи, Валерий Николаевич, — заметил Терентьев. — И другие больные.

Бориславский посмотрел на него так, что у опытного наемника по спине пробежал холодок. — Когда лес валят — щепки летят. Мне нужен результат. К утру в этом отделении не должно остаться ни одного человека, способного дать показания. И Климов... если он будет там — это решит сразу все наши проблемы. Исполняйте.

Ночной туман.

(Крыша городской больницы №2. 01:45).

Ночь была безлунной и липкой. На техническом этаже, у самой шахты вентиляции, замерли двое оперативников Стрельникова. Они были в приборах ночного видения, но даже электроника едва пробивала густую темноту.

Тишина взорвалась мгновенно. Из тени лифтовой надстройки выскользнули три фигуры в черных гидрокостюмах и противогазах. В руках — бесшумные пистолеты с ЛЦУ. Короткие вспышки, едва слышные хлопки — и один оперативник, не успев вскинуть автомат, повалился на рубероид. Нападавшие действовали как призраки: слаженно, без единого слова. Второй оперативник полоснул очередью из автомата.

Один из боевиков уже открывал кейс с установкой «Туман», поднося шланг к заборному узлу вентиляции.

Ход Стрельникова.

— А теперь — свет! — голос Стрельникова ударил из динамика системы оповещения.

В ту же секунду с соседних зданий — морга и хозблока — ударили мощные зенитные прожекторы. Крыша больницы залилась ослепительным, хирургически белым светом. Боевики, чьи ПНВ мгновенно «ослепли» от такой яркости, закричали, срывая с лиц бесполезные приборы.

— Работаем, мужики! — рявкнул Стрельников, в рацию

Он сидел внизу. Он знал, что крыша — слабое звено, и подстраховал людей Климова своей «группой захвата». Со

стороны парпетов, на страховках, вынырнули бойцы ОМО-На. Начался короткий, но яростный бой. Наёмники Бориславского, поняв, что попали в ловушку, открыли хаотичный огонь, отступая к пожарной лестнице.

— Не давать им уйти! — скомандовал Климов.

Боевики прыгали с крыши на козырек второго этажа, пытаясь прорваться к стоящим в лесополосе машинам. Один из них, прикрывая отход остальных, задержался у парпета, поливая крышу огнём из пистолета-пулемета. Короткая очередь прошла ему бедро и плечо. Боевик рухнул, катаясь по гравию. Его напарники, видя, что «хвост» прижат, прыгнули в темноту и скрылись в густых кустах.

Допрос на краю.

Через пять минут всё было кончено. Начальник уголовного розыска бросился к раненому оперативнику, оказал ему помощь и быстро спустили его в операционную. Он был ранен в плечо. Ему врачи начали оказывать помощь.

На крыше остался один раненый наёмник. Его противогаз сорвали, обнажив бледное лицо с коротким ежиком волос. Один из бойцов ОМОНа наступил тяжелым ботинком на раненое плечо наёмника, заставив того взвыть.

— Кто послал? — Климов подошел вплотную. Свет прожектора делал его лицо похожим на каменную маску.

— Пошёл ты... мент... — прохрипел боевик, сплевывая кровь.

Климов наклонился к нему, его голос стал пугающе ти-

хим: — Послушай меня, сынок. Ты сейчас на территории больницы. У тебя в кейсе — боевой газ. Это терроризм. Твои друзья тебя бросили. Если ты сейчас не назовешь имя того, кто отдал приказ залить реанимацию химией, я разрешу бойцам продолжить «оказание первой помощи».

Он кивнул на бойца, который демонстративно перехватил автомат за ствол, как дубинку.

— Командир отделения построил и приказал прибыть к больнице. А потом отдал приказ атаковать оперативников на крыше, — выдавил раненый, теряя сознание от боли. — План был «Туман-2»... Убрать всех...

— Забирайте его, — Климов выпрямился, глядя на Стрельникова. — В спецблок УВД. Теперь у нас есть не только наклейка клуба, но и живое свидетельство подготовки теракта.

Стрельников кивнул, вытирая пот со лба. — Рискованно ты придумал, Николай Сергеевич. Если бы прожекторы опоздали на секунду — мы бы сейчас все там, внизу, вповалку лежали.

— В нашем деле секунда — это целая жизнь, Дмитрий Леонидович, — Климов посмотрел на часы. — Утро близко. К сожалению, пока ещё рано наносить ответный визит в «Благодетель».

Игра в тени.

(Коридор отделения реанимации. 03:20).

В отделении царила мёртвая тишина, нарушаемая лишь

гулом люминесцентных ламп. Климов и Стрельников сидели в тёмном кабинете старшей медсестры, наблюдая за коридором через приоткрытую дверь.

— Думаешь, рискнёт? — шёпотом спросил Стрельников, проверяя затвор. — Бориславскому не оставили выбора, — отозвался Климов. — Раненый наёмник заговорил. Если мы оформим показания, Каратаева и его ЧОП закроют, а следом потянут и его, и Вольского. Ему нужно заткнуть рты всем.

Они заранее перевели Елену Викторовну и раненого Кожина в другие блоки, обеспечив им скрытую надёжную охрану четырёх бойков ОМОНа, а в их палатах под одеялами лежали манекены.

Палата №4. Елена Викторовна.

Дверь палаты бесшумно приоткрылась. В проеме показался силуэт в белом халате и медицинской маске. «Врач» действовал уверенно: он не оглядывался, его движения были отточены. Подойдя к кровати, он достал из кармана шприц с длинной иглой.

В тот момент, когда он занес руку над капельницей, капитан начальник уголовного розыска (УгРо) капитан Корнеев, затаившийся за шкафом, ударил по выключателю. Резкий свет ослепил наёмника.

— Стоять! Полиция! — рывкнул Гречухин, целясь в грудь «врача».

Наёмник оказался невероятно быстрым. Вместо того чтобы поднять руки, он метнул шприц в лицо Гречухину и бро-

сился в кувырок, выхватывая из-под халата короткий нож. Гречухин уклонился, перехватил руку нападавшего и коротким, профессиональным ударом в челюсть опрокинул его на пол.

— Вяжи его, Артём! — крикнул подскочивший к нему Корнеев.

Палата №6. Раненый ЧОПовец.

В это же время в другом конце коридора разворачивалась иная сцена.

Больница. Ночной коридор и палата №6

В ординаторской Климов вполголоса наставлял Серебров: — Паша, нужно подстраховаться. Бориславскому кровь из носа важно, чтобы раненый наёмник замолчал навсегда. Я чувствую: будет двойной ход. Он может направить двух. Один — отвлекающий манёвр, чтобы вытянуть охрану Второй — чтобы добить. Хитрость простая, но рабочая.

Серебров тихо выдохнул: — Двойной заход.

— Да. Первый создаёт шум, отвлекает — сказал Климов. — Второй работает по цели. Необходимо учитывать это.

Серебров коротко кивнул и ушёл в сторону палат. Он уже знал, что делать.

Климов оказался прав.

Возле палаты дежурил лейтенант Лукашов. Внезапный шум в конце коридора и мелькнувшая тень заставили его вскинуться. Первый киллер, выполняя роль «приманки», намеренно обнаружил себя, оглянулся и бросился наутёк к

лестнице.

Лейтенант Лукашов, стоявший у поста, дёрнулся: — Стоять!

Лукашов, поддавшись азарту погони, сорвался с места, оставив пост.

В ту же секунду из темной ниши у лифта выскользнул второй ликвидатор. Одетый в тёмный тактический комбинезон, он бесшумной тенью просочился в палату. В его руке тускло блеснул «Стечкин» с массивным глушителем.

Он вошёл плавно, почти не касаясь пола. Ствол нацелился на отчетливые очертания тела под одеялом. Палец уже начал выбирать ход спускового крючка, когда за спиной лязгнул затвор.

— Даже не думай, — раздался за спиной ледяной голос Павла Сереброва.

Киллер на мгновение замер. В отражении стеклянного шкафа он увидел не только Сереброва, но и ствол, направленный ему точно в затылок.

— Бросай ствол. Медленно, — скомандовал Павел.

Ликвидатор, понимая, что терять нечего, резко ушёл вниз, выбивая оружие из рук Сереброва. Завязалась яростная схватка. Киллер был подготовлен великолепно — резкие, рваные движения, профессиональные захваты. В какой-то момент ему удалось оттолкнуть Павла и рвануться к окну, но Серебров, словно пружина, вцепился в него мёртвой хваткой.

— ОМОН, ко мне! — крикнул Серебров, блокируя руку киллера.

Дверь палаты распахнулась. Боец спецназа, тот самый, что стоял в резерве по указанию Сереброва, навалился сверху, припечатывая ликвидатора к полу.

— Лежать! — коротко бросил он.

Киллер попытался вывернуться, но Серебров уже держал его намертво. ОМОНовец помог прижать его к полу. Затрещали наручники

Серебров выпрямился, тяжело дыша. Манекены под одеялами лежали неподвижно, как немые свидетели чужой хитрости.

— Чисто, — выдохнул он в рацию. — Климов был прав. Они пришли за куклой.

Затем сказал спокойно, почти холодно:

— Бориславский, ты просчитался.

Через минуту в коридоре появился Климов. Он посмотрел на задержанного, на Сереброва, на пустую палату.

— Паша, — сказал он тихо. — Хорошо сработано.

Серебров только кивнул. Он понимал: это была лишь одна партия. И игра продолжалась — Посмотрите на этого «доктора».

Серебров сорвал маску с задержанного. Лицо было незнакомым — суровое, со шрамом через всю бровь. — Очередной «гладиатор» из клуба «Рубеж», — констатировал Серебров. — Бориславский подчищает хвосты старым мето-

дом.

Итог ночи.

Климов подошел к окну. На улице уже начинало сереть. — Трое за одну ночь. Бориславский в отчаянии, раз посылает людей прямо в руки засаде.

— Что дальше, Николай Сергеевич? — спросил Павел, выводя первого задержанного.

— Теперь у нас полный комплект, — Климов посмотрел на часы. — Три покушения за сутки: газ, вентиляция и теперь «врачи». Это не просто «превышение полномочий» ЧОПа. Это серия спланированных убийств.

Павел: — Я здесь!

— После допросов срочно связывайся с прокуратурой. Нам нужна санкция на арест руководителя ЧОПа Каратаева немедленно. Пока он не понял, что обе его группы провалились, и не рванул из города.

И ещё. Передай Гречухину: — Нужно найти исчезнувшего водителя фургона «Медтехника»

Допросы наёмников: «врача» и киллеров.

Молчание — это прииговор.

(УВД Берёзовска. Блок допросов. 05:10 утра).

Климов и Серебров стояли в коридоре между двумя допросными. В одной сидел «врач» со шприцем, в другой — киллер со «Стечкиным».

— Разделим их, — предложил Климов. — Я возьму «инъектора», ты — «стрелка». Нам нужно, чтобы их версии не

сошлись.

Допрос «Врача» (*Инструмент*).

Климов вошел в кабинет. Задержанный уже сидел без маски и халата. Плотный, с цепким взглядом, он явно не был новичком. На столе лежал изъятый шприц в прозрачном пакете.

Климов поправил штатив, убедился, что камера захватывает и лицо задержанного, и его скованные на столе руки. Нажал на запись и произнёс:

ОВД Берёзовска. Кабинет допросов №3. 05:40 утра.

— Задержанный, назовите себя, — голос Климова был сухим, как наждак.

Он записал ответы в протокол:

— ЧОП «Гермес». Группа быстрого реагирования.

Климов выдержал паузу, давя тишиной. — Послушай, Воронов. Мы взяли тебя в палате со шприцем в руках. Сейчас его везут в лабораторию. Мне и без экспертов ясно, что ты пришел не лечить. Это — покушение на убийство. Срок тебе светит такой, что до конца жизни неба в клеточку хватит. Кто дал тебе этот шприц в руки?

Воронов облизнул сухие губы и исподлобья глянул на Климова.

— Гражданин начальник, я человек подневольный. Нам что охрана, что штурм — приказ есть приказ.

— Кто поставил задачу зайти в реанимацию под видом врача? Чей был приказ «усыпить» свидетеля?

— Чей приказ, Воронов? — Климов подался чуть вперед.
— Кто ставил задачу зайти в реанимацию под видом врача? Чей был приказ «усыпить» свидетелей?

— Директор наш, Каратаев. Он вызвал меня в офис «Гермеса». Шприц выдал он сам, лично.

— Каратаев называл фамилии тех, кому вы «помогаете»? Кто заказчик?

— Нет, — Воронов мотнул головой. — Гражданин начальник, Каратаев такие вещи вслух не говорит. Но когда мы обсуждали план, ему на мобильный позвонили. Он вытянулся, как по струнке, голос сразу другой стал... подобострастный. Слышал только, как он ответил: «Всё будет исполнено, группа на выходе».

— Имен не было?

— Нет. Но в гараже ЧОПа в ту ночь стоял чёрный седан с номерами администрации. И Каратаев напоследок предупредил: «Если завалишь дело — из-под земли достанут. Мы все знаем, кто у нас в городе «Хозяин», но напрямую его никто из нас не видел.

Климов медленно кивнул. Прямой связи с клиникой исполнитель не даёт, но указывает на Каратаева как на связующее звено.

— Всё, что ты сейчас сказал, Воронов, пойдет в протокол. Твоё единственное спасение — сотрудничество. Будешь молчать — Каратаев выйдет под залог, а ты поедешь топтать зону один за всех. Думай.

— Продолжайте, Воронов. Рассказывайте всё: как проходил инструктаж, как заходили в больницу. Помни — камера пишет. Твоё чистосердечное — единственный шанс не уехать на пожизненное.

Климов нажал кнопку «Стоп» на камере.

В конце допроса Климов дал ему прочитать и подписать протокол.

После того, как Воронов подписал, Климов вызвал коноводного и приказал увести задержанного.

Коридор ОВД. 06:10.

Климов вышел из допросной, где его уже ждал Серебров.

Допрос. «Стрелка» (Ликвидатор).

В это же время в соседней комнате Серебров допрашивал второго наёмника-киллера. Тот был из более «тяжелых» — бывший армеец.

Серебров поправил штатив, убедился, что камера захватывает и лицо задержанного, и его скованные на столе руки. Нажал на запись и произнёс:

ОВД Берёзовска. Кабинет допросов №3. 05:40 утра.

— Задержанный, назовите себя, — голос Сереброва был сухим, как наждак.

Задержанный промолчал.

Серебров, ещё раз: — Задержанный, назовите себя.

Задержанный: — Я отвечать не буду.

— Тихий ствол, ПНВ, тактическая подготовка, — Серебров прохаживался за спиной задержанного. — Ты же пони-

маешь, что ты не просто охранник. Ты — ликвидатор. А за ликвидацию сотрудников при исполнении у нас разговор короткий.

— Я думал, это бандиты, — огрызнулся киллер. — Нам сказали, что в больнице засели рейдеры, которые угрожают интересам клиники.

— Кто сказал? — Серебров резко остановился. — Кто ставил задачу на поражение?

— Старший смены. Он передал приказ от «Верха». Сказал, что если свидетель заговорит, у всех нас будут проблемы. Мы — одна команда, «Щит-Б» и «Гермес». Больше я ничего не знаю.

В конце допроса Серебров дал ему прочитать и подписать протокол.

После того, как он подписал, Серебров вызвал конвойного и приказал увести задержанного.

Коридор ОВД. 06:00.

Климов и Серебров вышли из кабинетов почти одновременно.

— Что у тебя? — спросил Климов.

— Подтвердил связку «Щит-Б» и «Гермеса». Мой признал, что приказ шёл «сверху», хотя прямое имя Бориславского не назвал.

— А мой тоже, — Климов захлопнул папку. — Он подтвердил, что Каратаев отдал приказ.

Бориславский совершил главную ошибку — начал торо-

питься и использовать слишком много людей. Чем больше свидетелей среди исполнителей, тем быстрее рушится пирамида.

В коридор зашли почти одновременно Стрельников и Аня Кононова с пачкой распечаток. — Николай Сергеевич! Дмитрий Леонидович! Финансовая проверка дала ответ. За последние сутки на счета ЧОП «Гермес» от фирмы «Вектор», учредителем которой является племянник Бориславского, ушло три транша по три миллиона. Назначение платежа — «охрана объектов».

Климов усмехнулся. — Девять миллионов за охрану пустой крыши и реанимации? Это и есть наш «золотой ключик».

Он повернулся к Стрельникову. — Теперь у нас есть показания исполнителей, финансовый след и прямая улика — отравленный шприц. Дмитрий Леонидович, но ехать в «Благодетель» пока ещё рано. Нужно больше неопровержимых доказательств.

А пока охрану свидетелей оставляем.

— Ну что, раскололся твой «доктор»? — спросил Дмитрий Леонидович.

— Дал показания на Каратаева. Говорит, шприц получил лично от него в офисе ЧОПа. Классика, — Бориславский спрятался за три ряда колючей проволоки из посредников. Но Каратаев — это уже реальный зацеп. Он — мост. Если мы его прижмем, мост может и не выдержать веса хозяина.

— Согласен, — Климов поправил воротник куртки. Нужно выявить «Крота», провести расследование гибели свидетелей в ДТП, а потом поедem за Каратаевым. Аня уже подготовила постановление на обыск в «Гермесе». Будем брать его жестко, на глазах у всех сотрудников. Пусть Бориславский увидит, что его «неприкосновенный» тыл начал сыпаться.

В кабинете Климова.

Эксперт Сазонов: — Экспертиза укола: в крови погибшей первого свидетеля препарат, который вызвал инфаркт и смерть и который используется только в специализированных клиниках Это прямая улика против «Благодетеля».

Серебров: — В списках закупок клиники редкие препараты, которые используются только для поддержания беременности при критических состояниях. Это подтверждает: Анжела (или её ребенок) может быть там.

Гречухин: =- След фургона: Сопоставление «ночной скорой» с описанием фургона «Медтехника» из прошлого показало, что модель та же

В архив ГАИ: найден след фургона, который официально числился списанным за месяц до похищения Анжелы Кравченко.

Климов: Что по водителю фургона «Медтехника?»
— Ищем

Опять слухи. Опять журналисты. Берёзовск кипит.

Утро в Берёзовске выдалось свинцовым. Берёзовск ещё не успел переварить новости о таинственной смерти Клавдии

Степановны — первой свидетельницы исчезновения Анжелы Кравченко десять лет назад. Город только начал возвращаться к привычному ритму, когда ночь разорвали выстрелы.

Сначала — один. Потом — короткая очередь. Потом — крики на крыше городской больницы №2.

И всё. Тишина. Но тишина такая, что от неё звенели окна.

Утром Берёзовск уже кипел.

Опять слухи — словно ядовитый туман, стелющийся по городским

улицам.

«Опять!» «Снова покушение!» «Теперь ещё на другого свидетеля!» «Второй свидетель!» «Это что — кто-то убирает всех, кто знал Анжелу?» «Говорят, стреляли на крыше!» «Говорят, один из охранников ранен!» «Говорят, газ пустили!» «Газовая ловушка» — шепчут в коридорах.

«Говорят...»

Слухи не просто разносились — они взрывались, как сухие ветки в костре.

Ночные выстрелы на крыше, раненые в больнице, попытка отравления газом — слухи детонировали один за другим, превращаясь в гулкую, злую толпу у ворот УВД.

И, конечно, опять суетятся журналисты, вытягивая шеи, ловя каждое слово, опять зеваки, с жадным любопытством прилипшие к перилам, будто к окну театра, где разыгрывается

мрачная пьеса без афиш и анонсов.

К зданию полиции подъехали фургоны с логотипом телеканала. Местные блогеры уже вели прямые эфиры. Зеваки толпились у входа, как будто ждали выхода актёров после спектакля.

Но спектакль был слишком реальным.

Когда Климов и Анна попытались выйти к машине, их буквально захлестнула волна микрофонов.

— Полковник Климов! Это правда, что ночью была попытка ликвидации свидетеля? — кричала журналистка, прорываясь сквозь оцепление. — Почему свидетели исчезновения Анжи Кравченко гибнут один за другим? Вы не в состоянии их защитить?! — Что произошло на крыше больницы? Кто эти люди в тактических комбинезонах? Это спецназ или наёмники?! — вопил парень с камерой. — Кто стрелял на крыше? — Кто пытался убить второго свидетеля? — Это те же люди, что убрали Клавдию Степановну? — Это связано с делом Анжелы Кравченко?

Николай Сергеевич (Климов) шёл сквозь толпу, как ледокол. Его лицо было бледным от бессонной ночи, а в глазах застыл холодный блеск. Он не отвечал, пока не дошёл до самой машины.

— В городе работает группа ликвидаторов, — отрезал он, обернувшись к прессе. — Ночью совершено покушение на второго ключевого свидетеля. Мы успели. Кто-то методично зачищает следы, оставляя за собой лишь вопросы без отве-

тов. Но мы их найдём. На этом всё.

— Кто они вообще?

Но ответа не было.

Потому что даже следователи пока не знали.

А Берёзовск снова гудел, как улей, в который бросили второй камень.

Часть IV. Расследование продолжается

Глава 19. Операция «Крот» (Штаб Стрельникова)

Дмитрий Леонидович Стрельников закрыл дверь кабинета на внутренний замок. Щелчок металла прозвучал как отсечённый воздух — теперь он был один.

Он не доверял никому. Ни секретарше, ни замам, ни оперативникам, среди которых прятался предатель.

На столе лежали пять папок. Пять личных дел. Пять людей, которые знали адрес конспиративной квартиры.

Стрельников медленно провёл пальцами по корешкам, будто ощущая вес каждого имени. Потом сел, открыл первую папку — и начал операцию.

Этап 1. Ложный след.

Стрельников вызывал офицеров по одному, давал рутинные поручения по текущим делам: отчёты, сверки, запросы в архив. Ни слова о главном.

Стрельников не просто вызывал их — он запускал конвейер. Каждый раз сценарий повторялся: сухой доклад, скупые указания по службе, и в самый последний момент, когда

офицер уже закрывал двери, кабинет взрывался резким жестом Стрельникова к телефону.

Каждому в спину летела своя уникальная, услышанная им у самого выхода из кабинета «секретная» информация, своя уникальная ловушка, отравленная «секретом» наживка.

Оперу А, едва тот коснулся двери, Стрельников бросил в трубку, не скрывая тревоги:

— Да! Свидетельницу перевозим в госпиталь МВД, палата 402. Охрана на минимуме, не привлекайте внимания!

Оперу В, когда тот уже наполовину вышел в коридор, досталась другая версия:

— Хватит пряток! Везем девчонку прямо в Управление. Под усиленным конвоем! Пусть попробуют сунуться.

Дверь кабинета мягко закрылась за очередным оперативником, и настала очередь того, на кого у Стрельникова было особенно нехорошее предчувствие. Тот зашёл, доложил по форме. Стрельников, не поднимая глаз, пролистал его рапорт, черкнул резолюцию и сказал: — Свободен. Завтра к восьми жду план по объекту.

Опер развернулся к выходу, но в этот момент Стрельников с силой вдавил кнопку на селекторе. Его голос изменился — стал резким, тревожным, с той самой «доверительной» хрипотцой человека, который смертельно устал от ответственности.

— Да! Это я, — почти выкрикнул Стрельников в трубку, игнорируя замершего у двери подчиненного. — Алё! Плохо

тебя слышу, связь ни к чёрту...

Опер замедлил шаг. Его рука уже лежала на ручке двери, Он мягко прикрыл дверь, но не до конца — оставил узкую щель, за которой замер, превратившись в одно большое, жадное ухо. Стрельников краем глаза видел это, но продолжал игру.

— Повторяю! — Стрельников специально повысил голос, будто борясь с помехами. — Я решил перестраховаться. — Свидетельницу больше нельзя держать на квартире. Официальные адреса светятся на каждом шагу, там свидетеля не убережем. Я отправил её на свою дачу, к тётке, в пригород. Место — то самое, Адрес ты помнишь, отдыхали там в прошлом году. Тихое место, никто не сунется, свои люди присмотрят. Ночью перевёз, охрана минимальная, чтобы не засветить свидетеля, иначе нам всем головы открутят! Никому больше не сообщать.

Он говорил ровно, спокойно, но каждое слово было наживкой, аккуратно выложенной на тропе.

В коридоре было тихо, и каждое слово полковника впечатывалось в память предателя.

— Только аккуратно мне там! — продолжал Стрельников, делая вид, что злится на собеседника. — Чтобы ни одной лишней машины в радиусе километра. Свидетеля нельзя засветить, иначе нам всем головы открутят. Всё, конец связи.

Он с грохотом бросил трубку на рычаг и нарочито шумно зашуршал бумагами, давая понять, что разговор окончен.

Дверь в коридор закрылась почти бесшумно — предатель постарался уйти «невидимкой», чтобы не выдать своего интереса. Он не знал, что Стрельников в этот момент замер, глядя на закрытую дверь, и медленно выдохнул.

Стрельников закрыл последнюю папку. Наживка брошена

Наживка проглочена. Теперь оставалось только ждать, куда побежит тот, кто не должен был знать ничего.

2. Момент истины.

Первый этап завершён.

Этап 2. Тотальный контроль.

ОСБ уже было предупреждено.

Телефоны всех пятерых — на прослушке. Передвижения — под наблюдением. У каждой «ложной точки» — засада.

• Госпиталь МВД, дача тёщи, Управление.

Три приманки. Три ловушки.

Стрельников стоял перед монитором, руки за спиной, взгляд холодный, как сталь. Он не моргал. Он ждал.

Этап 3. Момент истины

Через два часа после «инструктажа» камера наружного наблюдения на даче тёщи зафиксировала **чёрный джип без номеров. Тонировка. Двигатель не глушат. Водитель не выходит.**

Стрельников даже не удивился.

— Есть, — сказал он тихо. — Пошёл.

Он переключил монитор на внутреннюю камеру управления.

В туалете, у раковины, стоял капитан Б. Молодой. Умный. Подающий надежды.

И сейчас — смертельно бледный.

Он судорожно листал телефон, удаляя сообщения одно за другим. Пальцы дрожали. Губы побелели.

Стрельников смотрел на него, как хирург на опухоль, которую нужно вырезать.

Он вышел из кабинета. Шёл медленно, но каждый шаг звучал как приговор.

Дверь туалета распахнулась.

Капитан Б вздрогнул. Телефон выпал на плитку.

Стрельников вошёл, не меняя выражения лица.

— Не трудись, сынок, — сказал он ледяным голосом. — Мы уже восстановили твою переписку.

Капитан открыл рот, но слова не вышли.

— Чей заказ исполнял? — спросил Стрельников. — Говори сейчас... и, может быть, доживёшь до суда.

Тишина стала густой, как дым.

Капитан понял: игра закончена.

Допрос «Крота» капитана Б. Анатомия падения.

Кабинет для допросов был маленьким, почти камерным. Серые стены. Стол. Два стула. Лампа под потолком — холодная, безжалостная.

Капитан Б сидел, опустив голову. Руки дрожали. Телефон

лежал на столе — как улика, как приговор.

Дверь открылась. Стрельников вошёл медленно, будто пространство уже принадлежало ему.

— Садись ровно, — сказал он тихо.

Капитан вздрогнул и выпрямился.

Стрельников сел напротив. Несколько секунд просто смотрел — спокойно, холодно, изучающе.

Капитан молчал.

Стрельников открыл папку. — Итак. Дача моей тёщи. Чёрный джип без номеров. И ты — в туалете, удаляющий переписку.

Капитан сглотнул. — Я... я просто... хотел...

— Хотел что? — перебил Стрельников. — Стереть следы? Или успеть предупредить тех, кто тебя нанял?

Капитан отвёл взгляд.

Стрельников продолжил:

— Ты служишь десять лет. Хорошие характеристики. Перспективы. И вдруг — вот это.

Он постучал пальцем по телефону.

— Объясни. Кому ты слил информацию?

Капитан молчал. Губы дрожали.

Стрельников откинулся на спинку: — Ладно. Пойдём иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.